ПЕНА
Ручей
Папа
В РАЗВОДЕ
ПРОТИВ Для СОСЕДКИ- ОПЕКА
18+
И ТРЕХ ПОДКИДЫШЕЙ

Лена Ручей

Папа в разводе против соседки-опера и трёх подкидышей

https://litres.ru/74678849
SelfPub; 2026

Аннотация

Моя жизнь, убеждённого холостяка-травматолога, была прекрасна, пока в дверь не позвонили

Подруга бывшей жены ввалилась ко мне не одна. Вместе с её чемоданом в квартиру протиснулись двое детей и кот.

От неё я узнал, что бывшей больше нет, а дети – мои!

Пока я прикидывал, что со дня развода прошло шесть лет, а младшей девочке не больше трёх – та сбежала.

Думаете, внезапное отцовство с сомнительной арифметикой – предел катастрофы?

Как бы не так! За стенкой поселилась моя личная заноза в сердце – въедливая соседка-опер, которая уже взяла нашу безумную семейку на особый контроль

Содержание

Глава 1. Глоток свободы 5
Глава 2. Маньячка 11
Глава 3. Не ждали 15
Глава 4. Балаган 22
Глава 5. Разрушители 26
Глава 6. Кому-то весело 31
Глава 7. Карина, Мальвина и ещё 37
Глава 8. Итак, её зовут Людмила… 44
Глава 9. Суперзакупка 50
Глава 10. Допрос 58
Глава 11. Снова проблема 63
Глава 12. Идиллия 69
Глава 13. Утро кошмара. 73
Глава 14. Гениальный план 80
Глава 15. Я и остальные 85
Глава 16. Карина и диверсант 91
Глава 17. Афина и ясновидящий 98
Глава 18. Раз по пути… 106
Глава 19. Вызов 113
Глава 20. Пятьдесят метров над землёй 123
Глава 21. Потрясающая женщина 129
Глава 22. Сюрприз за дверью 136
Глава 23. Звонок в ночи 142

Глава 24. Ультиматум 145
Г 155
Конец ознакомительного фрагмента. 156

Лена Ручей
Папа в разводе против соседки-опера и трёх подкидышей

Глава 1. Глоток свободы

Проснулся с ощущением, что меня переехал каток. Причём его путь проходил исключительно через мою голову. Во рту сушняк. Язык распух...

Вот это глотнул я вчера свободы. Побрёл в кухню и залпом выпил два стакана воды. В голове чуток просветлело и в памяти начали проявляться подробности вчерашнего вечера...

Серёга вообще не собирался отмечать днюху. Пришёл в "Олимп" прямо с работы как выжатый лимон. Это его девушка решила устроить ему сюрприз – собрала пол-отделения “Травмы” в прокуренный клуб, где по ходу тусили одни гопники. Я пришёл без Карины. Соврал, что иду в баню с мужиками.

Ну а что? Во-первых, она терпеть не могла запах сигарет и вынесла бы мне потом мозг. Во-вторых, я хотел расслабиться, спокойно выпить с мужиками, и, кто знает, как далеко

меня могло понести в этот вечер. Глоток свободы был как никогда, необходим мне, чтобы потом снова спасать пострадавших и стойко терпеть её же капризы.

Карина задержалась в моей жизни дольше всех – на целых полгода. Но последнее время я стал ощущать смутное беспокойство: кажется, она мягко, но настойчиво начала меня приручать, намекая, не пора ли переехать ко мне с вещами. Хотя захват территории уже был на лицо. Недавно, делая уборку, я вдруг заметил, что её вещей на полках уже больше, чем моих! И в моей голове красной лампочкой замигало: “SOS!”

Это моя территория! Я двести косарей отдал за кровать премиум-класса вовсе не для того, чтобы в ней поселилась одна из моих подружек. Превращать свою спальню в сексодром я был не против, но не на безлимитной основе для избранной!

Вот и решил сегодня обозначить границы: сходить покутить с друзьями без неё.

Карина работала в той же больнице, что и я, только в терапевтическом отделении. Но её общительность позволяла быть в курсе событий всего нашего медицинского учреждения. Поэтому я не строил иллюзий, она знала, куда я иду на самом деле, возможно даже раньше меня.

Но сделала вид, что верит мне.

В пульсирующем мире прожекторов и музыки я, наконец, выбросил из головы мысли о перевязках и картах пациентов.

Но настроение было не то.

На меня, как на мёд, тут же налипла какая-то размалёванная юнца с накачанными губами и взглядом голодной рыси. Отделался с трудом, откупившись коктейлем и отправив её к друзьям. Чтобы слиться с галдящей средой, выпил больше, чем планировал. Не особо помогло. Не покидало чувство, что я попал не туда. Хотя раньше, до встречи с Кариной, я в таких забегаловках бывал регулярно.

Что изменилось? Я будто стал лишним на празднике жизни.

С горя накатил ещё и решил вспомнить молодость: в кармане нашлась дежурная резинка, и я отправился искать висевшую недавно на мне девицу. Но та уже кокетничала с Гешей, моим ординатором.

“Ну и хрен с тобой”, – не сильно огорчился я, понимая, что романтика разового секса в тесной кабинке уже не заводит, как раньше.

Чтобы не проснуться с одной из пьяненьких малолеток решил уйти от греха. Но на пути возникла Танька, подружка Серёги. Она буквально повисла на мне, требуя выпить с ней "на посошок". Закинулись ещё по одной за здоровье товарища, и я, наконец, вырвался наружу. Такси стояли в ряд наготове. Стоило махнуть и одна из машин тут же подъехала. Назвал адрес Карины и набрал её номер.

– Сюр-прииз! Еду к тебе. Встречай, – проворковал на её сонное: “Алло”.

– Илюш, я уже сплю, – услышал в ответ. – Завтра планёрка в восемь тридцать… Увидимся там. Ок?

“Вот зараза! – с раздражением сбросил вызов и продиктовал водителю свой адрес. – Слышала, небось, про днюху Серёги, вот и мстит. А я, как дурак, бросил друзей ради неё”, – подумал лениво, глядя на мелькающие за окном огни.

Хотя справедливости ради, прекрасно понимал, что пыхчу потому что, ехал к ней за порцией секса, но обломился.

Возле дома пока выходил из такси, к подъезду подкатила ещё иномарка и из неё, словно из лимузина на премьеру, выпорхнула Она.

Я даже остановился, разглядывая девушку в упор. Посреди нашей спальной бетонной коробки, в третьем часу ночи – прямо ожившая картинка из глянца. Длинные ноги, точёная фигурка, обтянутая чёрным платьем, которое намекало на всё, но не показывало ничего. Волосы цвета тёмного мёда были убраны в какую-то сложную, слегка растрёпанную причёску. В одной руке – крошечная сумочка, в другой – туфли на умопомрачительных каблуках, которые она несла, вышагивая босиком… по асфальту. Сглотнул, пялясь на миниатюрные ступни с узкой щиколоткой. Она ими ступала, слегка подпрыгивая на цыпочках, выбирая участки менее шероховатые.

Ммм…

В джинсах снова стало горячо и тесно.

Адреналин от выпивки и безудержная фантазия ударили

в голову, толкая меня вперёд. Я рванул к двери и распахнул их первым, пропуская богиню.

– Это откуда к нам занесло вас, прекрасная незнакомка? – в моём голосе прорезались бархатистые нотки. Так было нечасто.

Но девушка даже бровью не повела. Прошла мимо, оставив шлейф едва уловимого, не клубного, а какого-то дорогого, завораживающего аромата. Направилась к лифту.

К такому игнору я не был готов. Взлетел через две ступеньки и проворно перекрыл ей путь. Правда, меня сильно качнуло при этом. Благо не на неё. Мозг, расслабленный алкоголем, выдавал остроумные шутки. Во всяком случае вчера они мне именно такими казалось. Но девушка не реагировала, обжигая сердитым взглядом. Наконец, не выдержала, попросила пропустить её. Вежливо!

Мама дорогая! Эта её чопорность заводила сильнее откровенного белья Карины....

– Зря вы так. И настроение, вижу, ни к чёрту. И мне одиноко. Может, зайдёшь на чашечку кофе? – решил, что лучше сразу перейти с ней на "ты". – Познакомимся поближе. Обещаю, скучно не будет, – поиграл бровями. Обычно девчонки смеялись, когда я так делал.

Но эта по ходу родилась Несмеяной. Молча, будто не слышала, смотрела сквозь меня своими глазищами, словно я был прозрачный. Лицо в тусклом свете лампочки-экономки было красивым, но абсолютно бесстрастным, как у фарфо-

ровой куклы. Даже жутковато стало: вспомнил Панночку из фильма “Вий”. Пока я её разглядывал, девушка вдруг поднырнула под мою руку, которой я упирался в стену, и нажала кнопку вызова. Она меня умиляла своей отважной стойкостью.

Лифт, сонно звякнув, пополз вниз.

Девушка закусила пухлую нижнюю губу и, сделав шаг в сторону, попыталась меня обойти.

А потом случилось то, к чему моё мужское эго было совершенно не готово.

Глава 2. Маньячка

Двери лифта распахнулись.

Я, в пьяном порыве галантности, решил пропустить её, приобняв за плечи. Но она в тот момент сделала шаг вперёд, и моя рука промахнулась падая. Сам не знаю как, но ухватил её за талию, а потом рука сама съехала ниже, на упругую попку…

Стало нечем дышать. Но я не успел ни обрадоваться, ни извиниться. Резкий, отрывистый её выдох рядом с моим ухом – и… Я охнул от боли вмиг трезвея: она как-то молниеносно вывернулась и резко, словно заправский боец, заломила мне руку за спину, а потом вверх, к лопатке. Боль, острая и унизительная, пронзила плечо. Меня развернуло и с хрустом припечатало лицом к холодной крашеной стене возле лифта.

– Бля-а-а!.. – вырвалось у меня непроизвольно, больше от шока, чем от боли.

Её хватка тут же ослабла. Морщась, я оттолкнулся от стены, потирая ноющее плечо. Но успел увидеть лишь её спину, исчезающую в кабине, и взгляд. Не испуганный, не злой. Холодный. Если можно так сказать про янтарь. А глаза у неё были именно такими.

Дверь захлопнулась прямо перед моим носом.

– Леди Икс, мать твою… – с досадой процедил я, чувствуя, как пьяная дурь сменяется жгучим, непереносимым стыдом. Такого фиаско я не испытывал со дня своей свадьбы.

Меня. Илью Жданова. Секс-символа нашей травмотологии, который на ринге в зале пару раз получал, но всегда давал сдачи… Скрутила, как щенка, какая-то пигалица в вечернем платье! Да меня засмеют друганы байкеры, если узнают. Сердце колотилось где-то в горле, но не от возбуждения, а от животного, первобытного унижения.

От нахлынувших эмоций стоять на месте не мог. Пошёл на свой шестой этаж, тихо матерясь про себя. А в голове, как на замкнутой плёнке прокручивались её глаза.

Никак не мог понять, чем она зацепила? Где-то в районе второго этажа дошло: в её глазах словно стена стояла.

За ней пряталась она. Другая. Но какая?

“Да на хрен мне нужны тайны этой мегеры?” – тряхнул я головой, сбрасывая наваждение на площадке третьего и намеренно припомнил ощущение, когда был припечатан ею лицом в замызганную грязными руками стену.

“Интересно, к кому прилетела эта птица посреди ночи?” – остановился отдышаться.

Где-то наверху щёлкнул замок и с лёгким стуком закрылась дверь.

“Небось к хахалю, – шевельнулось внутри что-то тёмное и неприятное, отдалённо напоминающее зависть. – Повезло же кому-то приручить такую…”

Да чёрт с ней!

Эка невидаль. Девок что ли мало? Желающих ко мне в койку прыгнуть пруд пруди. Вон, новенькая анастазиолог, медитирует на меня каждую смену. Хорошенькая. Но я вроде как с Кариной. Нельзя. Узнает моментом. Полгода уже с ней. Девчонка – красотка, сексуальная, в постели огонь. Всё бы ничего, только вот начинала заводить последнее время шарманку про “серьёзные отношения” и “почему бы нам не жить вместе”.

От одной этой мысли о “вместе” в животе начинало сосать, а перед глазами вставало другое лицо – Маринки. Наша с ней свадьба и сразу развод. Всё! На этом мои мысли о чём-то “серьёзном” заканчивались, закручиваясь в тугой, болезненный узел где-то под ложечкой.

Я добрался до своей двери и с трудом вставил ключ. Рука в плече ныла.

“Нет, эта мегера не гордая лань. Лани трепетные. Самка гепарда скорее... – подумал, перебирая в голове семейство кошачьих. С ними ассоциировался её цвет глаз. – Хотя нет! Она – маньячка. Охотница на одиноких неженатых мужчин в ночных подъездах. Прикинулась хрупкой приманкой, а сама… – хмыкнул я в темноте прихожей, снимая куртку. – Да уж! Эта стерва так в стенку лицом припечатала, что сердце не то что ёкнуло, а с перепугу, кажется, в штаны устремилось”.

Контраст с покорной, всегда готовой ко всему Кариной был разительным и почему-то сводил меня с ума. Или это

алкоголь запоздало кружил мне голову?

“Забудь, – приказал себе, хлопая дверцами шкафчиков в поисках кофе. – Не твоё это”.

Запястье саднило. Только сейчас увидел царапины, оставленные её ногтями. И плечо гудело.

Вспомнился сон: жёлтые глаза гепарда. Или это были глаза незнакомки?

Глава 3. Не ждали

Прошла неделя. Та ночная стычка с незнакомкой в подъезде потихоньку превратилась в смутное, слегка щемящее воспоминание. Я почти убедил себя, что этот неприятный эпизод был галлюцинацией на фоне усталости и выпивки. “Почти” – потому что плечо ещё пару дней напоминало о себе тупой болью при резком движении, а царапины на запястье затянулись лишь через несколько дней. Словно тело отказывалось забывать.

Но больше я её не видел, и всё в моей жизни снова катилось своим чередом.

Работа, как всегда, не оставляла времени на саморефлексию. “Травма” жила в своём ритме: поток сломанных конечностей, запах антисептика, пота, и внутриколлективные интриги, проблемы и заморочки. Сегодняшний вызов с ДТП был в духе лучших традиций хаоса.

Мужчину лет сорока, водителя, привезли после встречи с фонарным столбом. Скорость, судя по всему, была приличной. “Отделался” закрытой черепно-мозговой, парой рёбер и – самым интересным – открытым многооскольчатым переломом левой голени со смещением. Картина была живописная, но для нас, травматологов, скорее, рутинная.

– Здравствуйте, меня Илья Романович зовут. А вас? – спросил на автомате, проверяя, насколько пациент в созна-

нии.

– Алек-сей, – едва слышно прошелестел тот.

Медсёстры быстро снимали с пострадавшего одежду. А его глаза, мутные от шока и боли, следили за моими движениями.

Я действовал быстро, на отточенном годами автоматизме. Осмотр, оценка состояния, рентген. Снимок лишь подтвердил первоначальный диагноз.

– Нужна операция, – коротко бросил я ординатору. – Наложим аппарат Илизарова. Готовьтесь.

В операционной царила сосредоточенная тишина, нарушаемая лишь тихими командами и монотонным писком аппаратуры. Мои руки быстро и уверенно делали своё дело. Здесь не было места сомнениям и личным воспоминаниям. Был только сломанный сегмент кости, который нужно было собрать, как сложный трёхмерный пазл, и зафиксировать. В такие моменты я чувствовал странное, почти сакральное спокойствие. Здесь я всё контролировал. Здесь всё имело смысл и подчинялось моей логике.

Жаль, что в личной жизни всё было не так просто.

Когда последняя спица была зафиксирована, а на ноге пациента появился своеобразный металлический каркас, я почувствовал знакомую усталость – приятную, насыщенную. Работа была выполнена хорошо.

– Всё, героя на выхаживание, – распорядился, снимая перчатки. Ординатор почтительно кивнул. Этот его взгляд –

полный безоговорочного доверия к моим навыкам – был той самой платой, которая часто казалась важнее денег. Здесь я был на своём месте. Царь и бог в пределах операционной.

После смены среди крутых и не очень дорогих тачек коллег меня ждал мой верный байк.

Чёрный, сверкающий хромом – верный жеребец. Шлем, рык двигателя, вибрация руля – это был лучший способ стряхнуть с себя больничную стерильность и тяжёлую энергетику страданий. Я не гонял сломя голову, просто ехал, давая ветру выдуть из головы остатки напряжения. Потом была тренировка в зале – ещё один способ почувствовать, как моё тело подчиняется мне, а сознание очищается через концентрацию и усталость. Жал железо, пока мышцы не начинали гореть огнём, вытесняя ненужные мысли о бесцельном своём будущем.

Только под душем вспомнил про Карину. Наш сегодняшний разговор с утра был коротким и прохладным. Она всё ещё дулась из-за той “бани”, и её тон красноречиво говорил: “Илюша, извиняться придётся красиво и дорого”.

Звонить не хотелось. Но набрал её номер, содрогаясь от перспективы подлизываться.

– Карин, привет. Слушай… Давай сегодня поужинаем, ну, скажем, в “Верди”? В восемь, – назвал модный ресторан, куда она давно хотела сходить, а я всё откладывал.

Пауза на том конце провода была показательной. Но я уже понял, что следом прозвучит “Да”.

– “Верди”? – переспросила, будто раздумывая. Но игривый тон выдал её. – Ну… Если ты настаиваешь… Ладно. В восемь.

– Отлично. Встретимся там, – с облегчением сбросил вызов.

Отлично. Значит, сегодня “ночь примирения” мне была обеспечена.

Оставалось заехать домой, переодеться во что-то подобающее и заскочить за цветами…

А потом можно расслабиться.

Карина сама соскучилась, я это понял по её голосу. Значит, в постели после хорошего ужина с вином она выложится по полной.

Идеальный, предсказуемый сценарий. Именно этого мне сейчас и хотелось – никаких сюрпризов.

С этими мыслями я подъехал к дому, запер байк на личной парковке и со спортивной сумкой и шлемом наперевес бодро зашагал к подъезду.

По пути перебирал свой не особо богатый гардероб, прикидывая, что надеть.

Выбор пал на тёмные джинсы и синюю рубашку – подарок Карины на двадцать третье февраля. Мы как раз только начали с ней встречаться тогда… Пусть видит, что помню.

Цветы – надо найти белые розы, она их любит…

Лифт, как назло, снова висел где-то наверху.

“Чёрт! Опять кто-то разгружается”, – подумал с раздра-

жением. После интенсивной тренировки было в лом подниматься пешком, но пришлось.

Через пару пролётов открылось второе дыхание и к своему шестому подошёл вполне бодрым.

На площадке перед моей дверью происходило что-то странное: какая-то тётка с кучей сумок и детей давила на кнопку звонка. Длинный, не первой свежести чемодан на колёсиках был прислонён к стене. За него держались дети. Моё внимание скакало белкой с тётки на них, затем на два рюкзачка – синий и розовый, лежащих на полу.

– Вы к кому? – спросил, глядя в спину женщины. Она вздрогнула и резко обернулась.

– Ой… Илья!

Я замер.

– Света? – переспросил, кусая от напряжения щеку изнутри.

Да, это была она. Сильно растолстевшая с тех пор, как я видел её свидетельницей на своей свадьбе. Подруга Маринки, бывшей жены. Тогда она была значительно худее. Вспомнил, как она вечно невпопад хихикала. Сейчас она была похожа на себя прежнюю весьма отдалённо: тучная, уставшая, с мешками под глазами и неопрятно собранными в хвост волосами. Только по смешливым глазам и узнал.

– Привет, Жданов. Я. Что, сильно изменилась? – её голос был хрипловатым, без тени былого хихиканья.

– Ну… – я замер, оценивая её взглядом. Но решил, про

“изменилась – не то слово” не говорить вслух. Всё же женщина… – Да, немного.

– Да, ладно. Сама знаю, что раздалась, – она усмехнулась, но в глазах не было веселья. – Трое родов никого не красит. Это вам, мужикам, хорошо! Штанами тряхнули – и всё. Дитё готовым видите… Ну да ладно… – спохватилась она, оглянувшись на детей, которые с интересом разглядывали меня. Мальчик – с серьёзным не по годам лицом, девочка – с любопытством, попутно ковыряя пальцем дырку на колготках.

– Открывай хату. Разговор у меня к тебе, – отошла, пропуская меня к двери.

От её слов у меня по спине скатился холодок.

Что ей надо?

Переночевать? Или денег хочет взаймы?

“Разговор у меня к тебе”, – тяжёлое и липкое предчувствие беды тучей нависло надо мной.

Интуиция, та самая, что редко, но метко стреляла, кричала сейчас: "Не открывай, Илья! Потеряй ключи! Срочно разворачивайся и беги!..."

Но не мог же я в самом деле сбежать. Это было слишком даже для меня.

– Заходи, – буркнул, провернув ключ в замочной скважине.

Первый шагнул в прихожую, пахнущую чистотой и одиночеством, и посторонился, пропуская внезапных гостей внутрь. Только сейчас присмотрелся к детям внимательнее.

Мальчик… Нет, на Светку он не был похож. Серьёзный, с глазами цвета… – Бля@! – Как у меня, коричневые с зеленью. А девочка… Она проскользнула мимо, озираясь, и свет из гостиной упал на её лицо.

У меня резко защемило сердце, в висках застучало. Она была точной, миниатюрной копией… Маринки. Такие же хитрые серо-голубые глаза и милое ангельское личико. Овал лица и улыбка.

“Почему у Светкиной дочки Маринкино лицо?!” – тупил я, отказываясь принимать очевидное.

Пока я озадаченный стоял столбом, Света, кряхтя, втащила с площадки чемодан и сумки, поставила их в прихожей и закрыла за собой дверь. Щелчок защёлки прозвучал зловеще, отсекая моё идеально устроенное прошлое от светлого будущего.

Настоящее, испуганное резким звуком, вдруг издало истошное “Мя-уууу” из клетчатой сумки Светкиного багажа.

– Звездец! А это ещё что?! – схватился я за голову, глядя на бедлам в прихожей и часы на стене. Что-то мне подсказывало, что я не успеваю в ресторан к восьми.

Глава 4. Балаган

– Мя-ууу!... – продолжал взывать о помощи тот, кто сидел в клетчатой сумке.

– Света, у меня… важная встреча через час. Можно побыстрее приступить к тому, ради чего ты здесь? – взревел я, видя, что из всех находящихся сейчас в квартире спешу только я и кот-узник. Тот даже сильнее, судя по отчаянному шкрябанию. Хотелось надеяться, что он не подкоп там роет.

– Ну так ставь чайник. Не здесь же разговаривать будем, – буркнула Светлана и без приглашения прошла в кухню.

– Кота своего уйми! У меня в голове дребезжит от его завываний, – встал я в дверях, всем видом показывая, что у меня здесь не кафе, и не ночлежка.

– Кот не мой, – отрезала Света с таким видом, будто отрекалась от родственника-преступника. – Я его вообще хотела на улицу отправить. Блохастый. Но дети истерику закатили. Сказали, без Компота не поедут.

– Без чего? – переспросил я, совсем сбитый с толку, сосредотачиваясь на словах “блохастый” и “компот”.

– Компот. Это кличка его, – усмехнулась та словно я тупой.

Компот. Кот Компот. В моей голове что-то щёлкнуло, и я снова почувствовал себя мальчишкой на вокзале, которого цыганка с золотыми зубами обвела вокруг пальца, выманив

все деньги, что мама дала с собой на каникулы у бабушки. Та же беспомощность, то же ощущение, что тебя взяли в осаду более хитрые и бесцеремонные противники. Только тогда я лишился денег и уехал. Сейчас же всё происходило в “святая святых” – моей личной крепости.

Пока Света хозяйничала на моей кухне, маленькая Василиса, которой, видимо, стало жаль кота, ловко расстегнула молнию на сумке и открыла дверцу переноски, спрятанной внутри. Это происходило на моих глазах, но остановить её я не успел. Полосатый зверёк резво выскочил на свободу и, прижимаясь животом к полу, метнулся в комнату.

– Звездец! – схватился я за голову и бросился следом. Но Компот оказался быстрее – юркнул за диван и там притих.

– Дядя, не клици! Ему стласно! – бросилась мне наперерез малявка с косичками.

– Света, иди и доставай кота! Мне только ваших блох здесь не хватало! – разъярённый неудачей вернулся в кухню.

– Жданов, не кипятись. Сядь, – поморщилась она. – Без тебя голова кругом, – обвела взглядом серые поверхности моей кухни, выполненной по заказу в стиле Лофт. – Где у тебя заварка? Чашки, еда. Не накормишь – тебя покусаю, – хищно оскалилась в мою сторону.

– Очень смешно, – фыркнул я.

Чай. Конечно. Что ещё нужно незваным гостям, разрушившим все твои планы, как не чашку чая? Стиснув зубы, включил чайник, достал хлеб, сыр, масло, пакетированный

чай. Себе я обычно заваривал другой, но для экстренных случаев имел в запасе и такой.

Услышав лязг посуды, дети тоже прибежали в кухню. Я молча достал пачку печенья, намыл яблоки и положил на стол. Василиса сразу ухватила несколько печений и яблоко, Ярослав взял яблоко и после секундного колебания тоже потянулся за печеньем. От чая дети отказались и за стол не сели. Просто развернулись и пошли крошить печенье в моей прибранной вчера гостиной. Света даже глазом в их сторону не повела. А мне воспитывать чужих детей не было вдохновения.

Хрен с ними, пусть крошат. Завтра запущу робота. Сейчас главное – побыстрее выпроводить их. А Карина… она, скорее всего, сама опоздает. Это в её стиле.

Чайник закипел. Залил кипятком пакетик в кружке, подвинул Светлане и уселся напротив неё. Время шло. Света, не спеша, готовила себе два внушительных бутерброда.

– Ты сказала, что у тебя ко мне серьёзный разговор… – напомнил. – Говори уже. У меня дела, – поторопил её.

– Дела твои подождут, Жданов, – откусила половину от бутерброда и прихлебнула горячий чай.

Как же она меня бесила!

Проникла в мою квартиру и теперь тянула резину.

Но не мог же я её выгнать!

– Прости, проголодалась слегка, – проговорила она с набитым ртом, допивая чай. Затем отодвинула пустую кружку,

вздохнула и блаженно откинулась на спинку стула. – Хорошо у тебя. Тихо… – огляделась.

– Света! – начал я терять терпение.

– Тц!... – вздохнула, облокачиваясь на стол. – Ладно. Не пыхти. Короче… – пожевала губами, размышляя с чего начать. – Маринка, царство ей небесное, померла.

От этих слов в груди у меня что-то ёкнуло. Не от боли, нет. От старой, заплесневелой обиды. Но я промолчал, решив не мешать, пусть сама расскажет.

– Толька, мужик её… машину новую купил недавно, – продолжила она. – “Обмывал” несколько дней, а потом жену решил покатать. Хорошо хоть дети в садике были. А то бы и их… прости господи, – она перекрестилась. – В общем, Толик сразу, а Маринка в больнице через неделю… Ребят я к себе сразу после аварии забрала. Маринка в сознании ещё была… просила тебя найти. Призналась мне, что беременная от тебя к Тольке ушла…

Я медленно перевёл взгляд на мальчика, который копался в рюкзачке в прихожей и смотрел на нас своими… Моими, чёрт побери, глазами! Сердце неприятно сжалось.

Глава 5. Разрушители

– Марина, когда мы расстались, сказала, что солгала мне про беременность, – проговорил я, упрямо, цепляясь за то, во что верил все эти годы. – И с этим… – сглотнул от нахлынувших воспоминаний, – “другом детства”, у неё в подсобке кафе был совсем не дружеский поцелуй. Так, почему я должен верить теперь, что ребёнок мой?! – зло прищурился.

Мне очень хотелось послать её. Разум подкидывал сомнения, шептал, что это тупой развод. Наверное хочет надавить на жалость, стряхнуть денег.

Но мне не давали покоя глаза пацана.

Я не мог с уверенностью отмахнуться от них и забыть навсегда.

– А не верь, – фыркнула Светлана, пожимая плечами. – Пусть твой отпрыск, как его мать, по детдомам мыкается.

Это был удар ниже пояса. Внутренне сжался, словно от реальной боли.

Оглянулся. Пацан всё ещё маячил в прихожей.

– Так. Ладно. Давай сначала, – проговорил, понизив голос. – Допустим… – прошептал, подаваясь вперёд. – Допустим, Ярослав мой. Кстати, когда он родился?

– Восьмого февраля. Следующего за вашим разводом года, – бойко ответила Светка, словно ожидала, что спрошу.

Мозг заработал на повышенных оборотах. Развод был в

июне… Февраль… Девять месяцев… Теоретически это возможно. В голове пронеслось: “Можно сделать анализ”.

– Хорошо. Возможно. Я говорю: возможно, – пригрозил ей пальцем, видя, как та просияла. – Это легко проверить, если что… Но! – повысил голос, тыча в стену гостиной, где мелкая что-то оживлённо лепетала. – Как ты объяснишь присутствие здесь этого ангела с косичками? Или я её дистанционно зачал по невнимательности?

– За неё прости, Жданов, – Света вздохнула. – врать не буду, Василиска не твоя. Но куда я её дену? Ярик без неё ехать к тебе отказался, а у меня своих трое. Мне чужого не надо, – категорично выставила пухлую ладонь, отрицательно качая головой. – Я просьбу подруги выполнила – детей тебе доставила. А дальше – сам решай. Это теперь на твоей совести…

“У меня нет совести!” – кричало во мне моё ЭГО, но высказать протест вслух не успел: в гостиной что-то рухнуло и разразилось воплем.

От неожиданности сердце упало в пятки. Мозг, тренированный на работе, мгновенно нарисовал апокалиптическую картину: рухнула стена, или шкаф упал на ребёнка…

Вскочил, роняя табурет, и бросился в комнату.

Реальность оказалась не такой разрушительной, как рисовало воображение, но от этого не менее шокирующей. На полу возле моего рабочего стола лежала Василиса в обнимку с моим новеньким, сверхтонким ноутбуком с яблоком… а

рядом валялся офисный стул. Ярослав суетился вокруг, пытаясь поднять сестру.

– Васька, ты как? – бормотал он испуганно.

Я подскочил, отодвинул мальчика в сторону и начал быстрыми движениями ощупывать тело ребёнка.

– Где больно? – легонько сжимал крошечные суставы рук и ног, отслеживая реакцию.

– Здесь бо-бо, – скуксилась, показывая на локоть.

Осторожно согнул, разогнул руку – всё в порядке. Ссадина только, но это не страшно.

– Головой ударялась? – аккуратно прощупал пальцами затылок.

Девочка не ответила. Только таращилась на меня, с интересом разглядывая.

– Нет, она боком упала, не головой, – пояснил Ярослав.

– Понятно. Больше испугалась, – заключил я, вспоминая содержимое аптечки, чтобы обработать ссадину на её локте.

Малявка тем временем ловко поднялась на ноги, прихватив с пола мой ноут.

– Э не! – усмехнулся я. – Дай-ка сюда, – протянул руку, чтобы забрать его.

– Неть! Моё! Аааа, – внезапно заверещала та, снова падая на пол, только теперь подминая гаджет под себя.

– Ё-моё! – простонал я, содрогаясь от предчувствия, что трещит под ней монитор моего крутого гаджета.

В ушах зазвенело. Терпение, и так висевшее на волоске,

лопнуло.

– Ах ты, маленькая… – поднял девчонку вместе с ноутбуком, посадил на диван и попытался там отжать трофей. Это вызвало, ещё более истошный рёв. – Хватит орать!

– Не кричи на неё! Всё равно не отдаст, – со знанием дела заявил мне Ярослав.

– Моё-моё-моё! Дяяяяяяядь! – срослась с ноутом малявка, словно ей его подарили и решили забрать.

– Свет! – вспомнил про виновницу этого балагана, которая давно должна была прийти мне на помощь, но не спешила.

Я был зол. На неё, на Маринку…

А больше всего на себя, раз допустил, чтобы бывшая жена обманывала меня столько раз.

Оставив бандитку с ангельским личиком на диване в компании брата, я решительно отправился в кухню, собираясь высказать Светлане всё, что думаю…

“Я не благотворительный фонд!” – первое, что пришло в голову.

Нет, надо более убедительное что-то…

Может, денег предложить?

Но и это не решало задачу. Вряд ли Светка могла нормально присмотреть за детьми, если села поесть, а о них даже не вспомнила. И на плач Василисы не прибежала.

У неё вообще материнский инстинкт остался? Или?

Моё внимание привлекла приоткрытая входная дверь.

“Что за чертовщина?” – захлопнул машинально и направился в кухню.

– Света? – вошёл стремительно.

Глава 6. Кому-то весело

– Света? – резко вошёл я в кухню.

Тишина. Пустая кружка на столе. Табурет, отодвинутый в сторону. И никого. Только крошки от её бутерброда на моей идеально чистой столешнице.

Холодная волна прокатилась по спине. Я рванул в прихожую. Её растоптанные туфли исчезли. Только детские босоножки и кроссовки раскиданы возле обувницы.

– Сука, – выдохнул я, и это было даже не ругательство, а констатация факта.

Я распахнул дверь и прямо в домашних шлёпанцах выскочил на площадку. Кнопка лифта горела красным. Мелькнула надежда, что Света только-только ушла и если поторопиться, то можно перехватить её внизу.

Перескакивая через две ступеньки, ломанулся по лестнице вниз.

Не знаю, как не убился. В шлёпанцах – спешить верх безрассудства.

Почти добежав до первого, услышал, что лифт остановился. Дверь распахнулась. В два прыжка я преградил ей дорогу.

Но врезался во что-то другое.

– Авва-ваф-ваф!… – на уровне моего горла лязгнули кривые клыки…

– Ох, ты ж, – от неожиданности сердце едва не выскочило

из груди.

– Извините, – пробормотал я соседке, с трудом удерживавшей на руках ощетинившуюся на меня тварь размером с большую крысу, но с амбициями голодного волка.

Чихуахуа!

Его выпученные от злости глаза-шарики налились кровью, и если бы не руки хозяйки, он готов был порвать меня.

– Кексик, тихо! – попыталась урезонить его хозяйка, но тот, видя, что я отступаю, распалился сильнее, перейдя на ещё более истошный лай.

“Чтоб тебя”, – надул щёки я выдыхая.

– А молодых людей надо учить вежливости, Кексик. Молодец, мальчик! Защитник мамочкин, – успел услышать за спиной, пока выбегал на улицу.

Уже начало темнеть. Я спешно окинул взглядом двор, но никого напоминающего Свету не заметил. Правда, за угол дома как раз завернуло такси, но я не сдавался.

Рванул вдоль дома, к остановке общественного транспорта.

Там меня тоже ждало разочарование. Издали увидел как, выбрасывая клубы выхлопного газа, отъехал автобус. На лавочке больше никого не осталось.

“Чёрт!” – в отчаянии простонал я, прикидывая ещё варианты догнать “кукушку”.

“Ключи от байка дома, – лихорадочно прикидывал я, чувствуя, как по спине струйкой стекает пот. – Пока туда, пока

обратно…”

Да и в каком направлении искать?

Тем более, я не знал точно, на такси, или на автобусе она уехала. Да и сообщника с машиной не стоило исключать.

Стиснув зубы, побрёл к подъезду, по пути беспомощно оглядываясь. Где-то завывала сигнализация, плакал ребёнок в окне на первом этаже, и эта обыденная жизнь казалась теперь дико ироничным фоном к моему личному апокалипсису. Света забросила мне в квартиру двух детей и кота, как действующую гранату, а сама испарилась.

Лифт, естественно, был наверху. Потащился пешком, прислушиваясь к стуку собственного сердца. Этажи давались тяжело. Не физически, а морально. Каждая ступенька отдавалась в мозгу напоминанием: ты идиот. Тебя опять развели. Ты остался один на один с проблемой, от которой теперь не отвертишься.

Откуда-то сверху насмешкой над моим горем доносилась весёлая детская песенка:

“– Тридцать три коровы,
Тридцать три коровы,
Тридцать три коровы –
Свежая строка.
Тридцать три коровы,
Стих родился новый,
Как стакан парного молока…”

Видимо, у соседей детская вечеринка, раз так громко и

весело.

Этажом выше – ещё громче…

На площадке шестого я, наконец, понял, что дискотека у меня дома. Через приоткрытую дверь орала оглушительно моя суперсовременная акустическая система, которую я включал в разы тише раз в месяц, чтобы послушать любимый рок.

– Что за безобразие?! Вы с ума сошли?! – фонтанируя негодованием, опустилась соседка с седьмого этажа. – Молодой человек! Я внука спать укладываю! Прекратите немедленно этот балаган!

– Сейчас, сейчас всё прекращу, – почувствовал себя китайским болванчиком, пятясь в квартиру.

В прихожей не глядя скинул испачканные домашние шлёпанцы и красный от бешенства влетел в гостиную.

Картина была эксцентричной. Василиса под музыку прыгала на моём кожаном диване. Резинки с косичек слетели, волосы разлохматились, но она, кажется, была на пике счастья, подпевая в голос: “Тлидцать тли коловы!… “.

Ярослав ползал на четвереньках, тыкая за диван ручкой от моей щётки для одежды и зазывающе приговаривая: “Кис-кис-кис, Компот, выходи!”

Музыка гремела так, что дрожали стёкла в стеклопакетах.

Эти двое за полчаса умудрились устроить в моей жизни цунами. Их совсем не смущало, что они в чужом доме. Их не волновало, куда ушла Света. Им было… весело. В моей

разгромленной, орущей музыкой квартире им было хорошо.

– ХВАТИТ! – заорал я так, что Василиса, подпрыгнув, шлёпнулась на зад и, спустив ноги, примерно села. Даже ладошки сложила на коленках.

Паинька, блин!

Ткнул в панель умной колонки и, наконец, наступила оглушительная, благословенная тишина. Даже в ушах зазвенело.

Ярик поспешно уселся рядом с сестрой и, взяв её за руку, настороженно уставились на меня.

А я, запыхавшийся, красный, со взъерошенными волосами, с высоты своего немалого роста сверлил их по очереди разъярённым взглядом, и совершенно не понимал, что с ними делать дальше.

В давящей тишине они сидели, прижавшись друг к другу. Маленькие и жалкие.

Сердце моё, сделав кувырок, сжалось от мысли, что они теперь совсем одни. И только от меня теперь зависело их будущее.

В своей операционной даже в самой сложной ситуации я знал, что делать.

А здесь чувствовал себя беспомощным.

Меня как лоха обвели вокруг пальца. Подбросили живую, кричащую, крошащую печенье и танцующую, проблему.

“Может, вызвать полицию? – пронеслось в голове. – За-

явить о подброшенных детях”.

Но сразу представил холодные лица соцработников, детский приёмник…

Ярослав смотрел на меня испытующе, по-взрослому.

Стало не по себе. Показалось, он читает мои мысли.

Отвёл взгляд, прошёл к окну.

Надо было прямо сейчас принять какое-то решение, и не мог.

Но одно я знал точно: звонить в полицию не буду.

Во всяком случае, не сегодня.

Глава 7. Карина, Мальвина и ещё

Я стоял у окна, глядя на темнеющий двор, и чувствовал себя абсолютно разбитым. Мысли путались, не находя выхода. Детский приёмник, тест на отцовство, полиция, опека… Каждая перспектива казалась тупиковой. А в голове был полный штиль – та самая тишина, когда ум отказывался работать.

И тут в тишине взорвался мелодией мой телефон. Резкие гитарные риффы Margo “Сумасшедший Тип”.

“Блин, Карина!” – вздрогнул я словно от удара током.

Я совсем забыл про неё, про ужин в “Верди” и даже про ночь примирения.

С ужасом смотрел на экран: четверть девятого…

Сглотнул ком в горле и принял вызов.

– Илья, ты не охренел?! – голос Карины был не просто взвинченным, он был пронзительным. – Я уже замёрзла ждать тебя! Ты где?!

– Карин, извини… – начал я, стараясь говорить мягко и быстро. – У меня тут форс-мажор дикий возник. Ты даже не представляешь.

– В чём дело? Попал в пробку? – зазвучали нехорошие нотки.

– Нет, это другое. Я тебе потом всё объясню. Прости, но ресторан сегодня отменяется.

– Как?! И ты мне об этом только сейчас говоришь? Когда я тебя на улице почти полчаса прождала?! Ты… Ты знаешь, кто после этого?! – задохнулась он от возмущения, накручивала себя всё сильнее.

– Подожди! Карина, я тебе всё объясню, не злись. Приезжай ко мне сейчас, сама всё увидишь.

– Я никуда не поеду, пока ты мне толком не объяснишь, зачем, – негодовала она.

– В общем… Мне здесь подруга бывшей, детей подкинула и сбежала. И мне сейчас как никогда нужен твой совет и помощь. Зая, приезжай скорее. А то их кормить надо, а я не знаю чем.

– Жданов, ты это сейчас на ходу придумал, да? – прошипела она. – Лишь бы в ресторан меня не вести?

– Нет, нет!... Ресторан будет! Обязательно. Но в другой раз. Сегодня мне не уйти из дома. Никак. Так что бери такси и приезжай ко мне. По пути только заскочи в “Магнит”, ладно? Я тебе в телегу список скину сейчас. Купи, пожалуйста, что надо? А то у меня шаром покати в холодильнике…

На той стороне повисла мёртвая пауза. Я даже забеспокоился, не сбросил ли случайно вызов. Нет, всё в порядке.

– Карина? Ты здесь? – вкрадчиво напомнил о себе.

– Знаешь что, Жданов? – наконец услышал её звенящий голос. – Иди ты лесом! Я к тебе в кухарки и сиделки не нанималась. Понял?!

– Подожди, Карин, ты всё не так поняла! – проговорил

торопливо, чувствуя, что она сейчас сбросит вызов. – Моя бывшая, мать детей… Её не стало, понимаешь? И я не знаю, что с ними делать, – вложил в голос максимум искренности и драмы, взывая к её женскому началу.

Не могла же она остаться равнодушной в такой ситуации.

Но в ответ вдруг услышал её резкий смех.

– Жданов, признавайся, ты меня сейчас разводишь, да? – проговорила с грустью. – Решил сэкономить на ресторане и придумал эту дурацкую историю про детей? Оригинально…

– Карина, это правда! У меня в квартире двое детей! И кот ещё! И я не знаю, что с ними делать! Зай, приезжай, а? – голос мой сорвался на неприятную, заискивающую нотку, и я тут же возненавидел себя за это.

– Нет уж! – отрезала она. – Дети от твоих бывших – это твои, Жданов, проблемы! Меня в них, пожалуйста, не впутывай! Разберёшься – звони. Так и быть, прощу тебе этот ресторан. А пока прости, у меня появились другие планы на вечер.

Щёлк. И тишина в трубке.

– Вот, ссу… – оглянулся на сидевших на диване детей и проглотил окончание.

В висках стучала ярость. Горячая, слепая.

“Ну и стерва ты, Каринка!” – простонал беззвучно, стиснув зубы.

Полгода я ублажал её, терпел капризы, слушал болтовню. А когда мне понадобилась её помощь, она без зазрения со-

вести слилась.

Всё, помощи мне больше ждать было неоткуда. Пора было что-то делать самому.

Дети на диване притихли, как мыши, словно это было единственное безопасное место для них теперь. Стало неловко, ведь они слышали мой разговор с Кариной и бог знает что из него поняли.

Чувство голода, заглушённое адреналином, напомнило о себе урчанием в желудке. У детей наверняка там тоже было пусто.

– Есть хотите? – подошёл ближе.

Те синхронно кивнули.

“Так. А чем кормят детей их возраста?” – задумался я. В памяти всплыло детство и манная каша с комочками по утрам в деревне. Ещё пюре и котлеты у бабушки были вкусные. Но я сам их не жарил никогда. Ни супов, ни котлет, ни овощных пюре. Мозг врача выдавал лишь информацию о необходимом балансе белков, жиров и углеводов, что в данный момент было абсолютно бесполезно.

“Ладно, – успокоил себя. – Интернет в помощь”.

Направился в кухню и с надеждой распахнул холодильник.

Завис.

Полпачки сливочного масла, бутылка минералки, тюбик горчицы и лимон. Сыр доела Светлана, а яйца закончились утром. Я же собирался ужинать в ресторане, и за продуктами

планировал заехать завтра, в свой выходной.

“Придётся идти в магазин”, – вздохнул я, прикидывая, что делать с детьми.

Рисковать я не мог. Они сегодня уже показали мне, на что способны…

Вспомнил про соседку.

Валентина Васильевна, кажется. Вполне адекватная старушка. Как-то поймала меня возле лифта и попросила помочь разобраться с приложениями в её новом телефоне. После работы зашёл, всё настроил. Мы даже чаю с ней попили.

Она не должна была отказать мне в ответной услуге – посидеть полчаса с детьми.

А заодно я рассчитывал расспросить её, чем кормить их. У неё всяко опыта в этом было побольше моего.

Заглянул в комнату. Дети вопросительно уставились на меня. Молча включил на плазме детский канал и внимательно осмотрелся. Ноутбук и планшет лежали на столе. Я ещё не проверял их рабочее состояние, но от греха подальше отнёс в спальню и убрал там в шкаф на верхнюю полку. Колонку – в прихожую. Пульты запер в ящике рабочего стола.

Ох, ещё дверь на лоджию…

Ну да ладно, не одних же я их оставляю.

– Слушайте, – постарался, чтобы голос звучал строго. – Я схожу в магазин, а вы не бойтесь, мультики смотрите. Я к вам соседку, бабушку, отправлю. Посидит с вами. Договорились?

– А мы и одни можем побыть, – важно заявил Ярослав, выпрямляя спину, чтобы казаться взрослее. – Мама договорилась, и Ваську со мной из садика отпускали. Приводил домой и сидел с ней, пока мама на смене. Она у нас кассиром в “Пятёрочке” работает… – он осёкся и поправился, – работала. Когда вечером работала – мы одни дома были.

Сердце который раз за вечер мучительно сжалось. Этот малец был слишком взрослый для своего возраста. .

Но разум был непреклонен.

“Нет уж, лучше перестрахуюсь. От греха. Чем потом огребать от соседей”.

Прихожая всё ещё была завалена багажом. Надо было всё это пересмотреть и куда-то убрать с прохода. Но это потом.

Сначала накормить и отправить спать, чтобы не мешались.

А потом всё остальное.

Ещё меня смущал кот. Я точно видел, как он проник в комнату, но больше он никак себя не проявлял.

“Может, пока я бегал за Светланой, он вышел?” – мелькнуло с надеждой.

Вышел на лестничную площадку, огляделся. Никаких животных не заметил и нажал на дверной звонок соседки.

Из-за двери доносилась музыка.

Прислушался и удивился: ритмичный бит и хрипловатый речитатив: “Хэй-хэй!...”. Узнал исполнителя. Недавно сам

слушал подборку треков Макса Коржа.

Очень странно было слышать такое из квартиры пожилой женщины.

“Наверное, внук у неё в гостях”, – предположил, ожидая, когда откроют.

Музыка стихла. Щелчок замка, и дверь распахнулась.

На пороге стояла Мальвина. Именно эта ассоциация пронеслась в голове из-за синего цвета её густых волос. Но на этом сходство со сказочной героиней заканчивалось. На вид девушке было лет пятнадцать. И вместо кроткого поймал на себе дерзкий, оценивающий взгляд её серых глаз. А вместо пышного платья она была одета в короткие шорты и крошечный топик, открывающий плоский живот.

Я опешил.

– Бабушку позови, пожалуйста, – выдавил я.

Мои надежды на помощь соседки начали трещать по швам.

Барышня, не сказав даже “здрасте”, исчезла в глубине квартиры. Где-то там лилась вода и… пахло котлетами. В животе заурчало.

Послышались быстрые, лёгкие шаги. Они совсем не походили на старческие.

Но я с надеждой всё же собрался с мыслями, что сказать Валентине Васильевне, чтобы она без лишних вопросов захотела мне помочь.

Дверь приоткрылась шире. И… я забыл, зачем пришёл.

Глава 8. Итак, её зовут Людмила…

Дверь приоткрылась шире. И… я забыл, зачем пришёл.

Передо мной стояла Она. Та самая незнакомка из подъезда с янтарными глазами гепарда. “Леди Икс” – так я окрестил её тогда.

Только сейчас на ней были простые серые спортивные штаны и белая футболка, волосы собраны в небрежный хвост, а на ногах – смешные полосатые тапки.

Когда выглянула, её лицо было приветливо-милым, но по мере узнавания меня выражение поменялось на враждебно-холодное. Улыбка исчезла.

Меня бросило в жар. В ушах зазвенело. Перед глазами, с невероятной, мучительной чёткостью, пронеслись кадры той ночи: её взгляд поверх моего плеча, моя рука, скользнувшая не туда, резкая боль в плече, шершавая стена под щекой… Весь мой пьяный подкат к ней казался теперь верхом идиотизма и хамства. Я готов был провалиться сквозь этаж от одного воспоминания.

– Вы? – прошипела она, помещая в одно слово всё: “Опять ты?”, “Выследил?”, “Сейчас вызову полицию!”.

Я стоял, открыв рот, как рыба на берегу. Мозг, который только что лихорадочно составлял список продуктов и планировал, как уговорить бабушку, полностью отключился. В голове гудело только: “Она соседка? Она?!”

– Я… я не выслеживал, – выдавил, наконец, чувствуя, как горят уши и щёки. – Я к Валентине Васильевне. Простите…

– А к ней у вас что? – её взгляд стал острым, колющим. Она приоткрыла дверь чуть шире, и её глаза скользнули по мне – по тренировочным штанам и худи, задержались на татухе, которая выглядывала из-под засученного рукава. Затем её взгляд скользнул мимо, на приоткрытую дверь моей квартиры.

За спиной послышался шум и сопение. Оглянулся.

Из моей квартиры, как метеор, вылетела Василиса, следом за ней гнался Ярослав.

– Дяденька! Там всё плопало! Ниццо не показывает, – радостно сообщила она мне и, не снижая скорости, заглянула в открытую дверь соседей. – Ой! А сто это? – и, не дожидаясь ответа, ловко прошмыгнула внутрь.

– Василиса! – окликнул её, но сделать шаг за порог, чтобы догнать не решился. Да и невозможно это было. “Леди икс” перегораживала собой проход.

Правда, после того как Василиса оказалась в её квартире, она растерянно отступила и с удивлением уставилась на малышку.

А та, не ведая страха, проскочила через прихожую в открытую дверь комнаты и остановилась там возле столика, на котором размещалась клетка с голубым волнистым попугайчиком.

– Ой!... Ялик, смотли какой! – во кликнула она, припля-

сывая от восторга. – А мозно я его поглазу? – это она, видимо, обращалась к хозяйке птицы.

“Удивительно культурный ребёнок! Даже разрешение спрашивает!” – нахмурился, сгорая со стыда за воспитание малявки.

– Ярик! Выведи сестру немедленно, – проговорил хрипло, оглядываясь за помощью к мальцу.

Тот стоял рядом, по-взрослому сложив руки на груди, и спокойно наблюдал за сестрой, не переступая порог.

На шум из кухни вышла “Мальвина”, вытирая руки полотенцем.

“Неужели у неё такая взрослая дочь! – с недоумением покосился я на застывшую возле меня девушку. – Она что, в шестнадцать родила?” – невольно прикинул я.

На вид ей было максимум тридцать. А конопатой “Мальвине” с пирсингом в носу – лет четырнадцать – пятнадцать. “Септум” – машинально вспомнил, как называется такой вид пирсинга.

Арифметика не сходилось. Или “Леди Икс” гораздо старше, чем я предполагал, либо они не мать и дочь.

Как ни странно, в этом балагане мой мозг жил своей жизнью, занимаясь подсчётами.

“Мальвина”, увидев возле клетки жизнерадостную Василису, удивлённо выгнула бровь.

– Люсь, а это кто?

“Макака”, – едва не съязвил ей, но мысли переключились

на ту, кого она назвала: “Люсь”.

“Значит, не мать и дочь”, – отметил про себя, исподволь разглядывая девушку, примеряя к ней имя Людмила. Оно шло ей.

А мелкая тем временем подобно обезьянке продолжала скакать вокруг клетки с птицей. Попугай тоже разошёлся не на шутку, издавая частые и пронзительные “чирик”. Видимо, звал хозяйку на помощь.

Ярик, получив разрешение, прошёл в комнату и пытался схватить сестру за руку. Та не давалась…

– Вы извините нас, пожалуйста, – пробормотал я виновато.

– Василиса, ну-ка, немедленно дай руку брату! – прикрикнул, видя, что Ярика та не слушается.

– Вась, пошли. Нельзя тут, – взывал пацан к её совести.

– Нет! Не хоцю! – упиралась вредина. – Ааа!...

Затем как-то вывернулась и побежала в прихожую. Я уж выдохнул, решив, что у неё совесть проснулась, но мелкая вдруг ловко завернула за угол и, часто дробя пятками, побежала туда, откуда пахло едой.

“Звездец”, – набрал побольше воздуха в лёгкие, чтобы выдохнуть медленно.

– Простите, – снова начал извиняться я.

– Ничего, – усмехнулась Людмила, немного оттаивая. – А вы зачем пришли?

– Я к Валентине Васильевне… Хотел попросить её при-

смотреть за ними, пока в магазин схожу. Просто… Понимаете, детей мне сегодня подкинули. А в холодильнике пусто.

– Аа… Так вы в няньках?! – рассмеялась она, и лицо моментально преобразилось. Залюбовался. Улыбка ей очень шла. – Что же родители такие, несознательные? Могли бы и еду привезти вам, коли за детьми попросили присмотреть.

– Да… Там всё сложно, – почесал в затылке, не зная, как можно в двух словах передать ту задницу, в которую я попал сегодня.

– Ааа!... – услышал плач Василисы.

“Да боже ж мой!” – казалось, взорвусь.

Людмила без слов кинулись на крик.

– Господи! Ты что это? Горячие же! – услышал, пока шёл следом.

– Держи ручку под водой. Сейчас пройдёт, – мелкая разбойница уже стояла на табуретке и держала пальцы под струёй воды. Слёз я не увидел. Зато высунутый изо рта кончик языка старательно тянулся к носу. Кажется, занятие её увлекало.

– Ну, как? Не болит? – Людмила с тревогой разглядывала её ладонь.

– Неть, – помотала та головой, поглядывая на сковороды с котлетами, которая без крышки стояла на плите. Одной не было. И судя по тому, что “Мальвина”, которую Люда называла Настей, ползала с тряпкой по полу, мелкая обожглась,

выхватив котлету из сковородки рукой.

Который раз за вечер я готов был сгореть от стыда за неё.

– Вас когда сегодня кормили последний раз? – спросила Людмила явно не у меня.

– Утром, – ответил Ярик, который стоял в дверях кухни.

“И меня утром”, – очень хотелось пожаловаться тоже, потому что от вида румяных котлет и запаха, исходящего от них, в животе позорно урчало.

– Тогда мой руки и садись за стол, – скомандовала Людмила мальчишке, потому что Василису не надо было упрашивать, она уже пододвинула к столу стул и вскарабкалась на него.

“Тц!... – сердито покачал головой я, не зная, как на это реагировать. – Этот ребёнок кажется, нигде не пропадёт”.

– Вас тоже накормить? – подняла на меня Людмила свои загадочные глаза.

– Я? Нет, спасибо, – замотал головой отступая. – Но, раз уж вы решили накормить детей, то могу я попросить вас присмотреть за ними, пока я в магазин схожу? А то, сами видите, – кивнул на детей, – на минуту оставить нельзя.

– Да, не вопрос, – достала тарелки и начала ловко накладывать в них картофельное пюре из кастрюльки.

– Спасибо. Я быстро.

Собрал волю в кулак, чтобы не согласиться сесть с ними за стол…

Глава 9. Суперзакупка

Войдя в ярко освещённый, гудящий холодильниками зал супермаркета, я на секунду застыл, обозревая огромное пространство, заполненное полками, тележками, людьми. До этого момента мой поход за продуктами был делом пяти минут: взял яйца, сыр, лаваш, пачку пельменей на всякий случай – и свободен. Иногда пиво. Сегодня этот алгоритм дал сбой.

Взяв тележку, двинулся по знакомому маршруту, собирая с полок яйца, сыр, лаваш…

Всё. Тележка выглядела жалко пустой, и у меня в голове – так же. Остановился в центре лабиринта из стеллажей, чувствуя себя полным идиотом. Что ещё? Чем кормят детей?

“Интернет в помощь” – легко сказать, но собрать в голове необходимые для блюд ингредиенты было сложно.

Машинально покатил дальше и упёрся в ряд холодильников, полных банок и бутылок. Пиво. Энергетики. Выругался про себя и развернулся.

Молочный отдел – в другом конце зала. Взял пакет молока. Потом мой взгляд упал на стеллаж с разноцветными коробочками и баночками. “Растишка”, “Агуша”, “Тёма”… В глазах пестрело от буйства красок. Фруктовый, ванильный, шоколадный… творожок, йогурт, биолакт… Я в этом не понимал ровно ничего. Что подойдёт им? Дети ведь не

всё едят…

Решил действовать по наитию: сгрёб в тележку по несколько штук разного вида. Корзина начала наполняться розовыми и шоколадными коробочками.

“Каша!” – осенило меня, когда проходил возле полок с детским питанием.

“Безмолочная гречневая каша с 4 месяцев”, “Рисовая с яблоком с 5 месяцев”, – начал читать на коробках… А Василисе где-то три-четыре года. Ярику – пять. Это явно не то.

Побрёл к обычному отделу с крупами. И снова завис. Полки ломились от пакетов: гречка, рис, пшено, перловка, ячневая, кукурузная, макароны всех форм и размеров… Глаза разбегались. Манку отверг сразу – противно вспомнились комки из детства. Овсянка… Вроде нормально. Здесь же рядом увидел кукурузные хлопья. В детстве обожал их с молоком. Кинул в корзину две пачки. Рядом – мюсли. Тоже вроде полезно. Отправил туда же.

Тележка постепенно наполнялась. Но чего-то не хватало. Основного, существенного. И тут вспомнил аромат, витавший на кухне у соседки. Мелкая стащила горячую котлету прямо из сковороды… Ну, конечно! Растущие организмы – им обязательно нужно мясо! Подкатил к отделу с полуфабрикатами. Взял на свой вкус бифштексы и… пельмени. Решил, что это универсальное блюдо для детей и взрослых. Так, тогда две пачки.

“Что ещё?” – огляделся и вспомнил про овощи. Чуть не

забыл.

Картошка. Морковка. Помидоры, огурцы… Яблоки – килограмм. Бананы – гроздь. Зелень… Я смотрел на свою тележку и понимал, что в последний раз я закупался в таких масштабах, когда мы с мужиками собирались на несколько дней на рыбалку.

Сладкое! Дети любят сладкое. Печенье. Шоколадку себе… и детям одну.

Кажется, всё!

Я уже направлялся к кассам, чувствуя странную усталость, как от сложной операции, когда мой взгляд поймал огромную рекламу: блаженная кошка на фоне пачки “Whiskas”. Меня словно током дергануло:

“Бляха! Кот…”

Блохастый Компот поджидал меня дома за диваном. Наверняка тоже голодный.

Начал снова растерянно озираться.

Увидел вывеску “Зоо-мир” в зале за кассами и поставил зарубку себе в мозгу: “Не пройти мимо”.

Очередь в кассу двигалась со скоростью больной улитки.

Мужественно выстоял.

Кассирша, хмурая женщина с синими тенями на веках, будто в замедленной съёмке, проводила каждым товаром через сканер. Я, скучая, переминался с ноги на ногу, разглядывал жвачки, батарейки, глянцевые журналы, которые выставляли специально, чтобы люди в очереди захотели купить

ещё и их.

– Итог: пять тысяч семьсот сорок два рубля, – голос кассирши вывел меня из ступора. – Скидочная карта есть?”

Я едва не поперхнулся слюной. “Что?!” – едва не возмутился вслух, но протянул карту молча. Голос внутри саркастически процедил: “Ужин с Каринкой в "Верди" вышел бы столько. Или дешевле. ”

Детки, кажется, обходились дороже любовницы.

С пакетами наперевес потащился в “Зоо-мир”. В нос ударил специфический запах кормов и чего-то ещё неприятного.

“Мать моя женщина… – простонал я, мысленно озираясь. – Это же целая вселенная!”

Но исчезнуть в ней мне не позволила улыбчивая девушка-консультант с хвостиком на затылке.

– Здравствуйте! Могу вам помочь с выбором?

– Кот у меня, блохастый – проговорил я мрачно. – Корм ему нужен, лоток, наполнитель. И средство от блох.

– О, конечно! Я вам помогу! – защебетала та, приглашая следовать за ней. – Какая порода у вашего питомца? Возраст?

– Безродный дворянин, судя по ценам, – буркнул я, присматриваясь к белым карточкам под пакетами с кормом, на которых значились четырёхзначные числа.

– Пф! – прыснула в кулак девушка, решив, что я шучу. – И всё же… Какой возраст у вашего котика? И порода… Это

важно! У них, у всех разный рацион и пищеварение.

– Тц! – закатил глаза я от этих сложностей, вспоминая бабушкиного кота в деревне. Тот ел всё! – Я не знаю. Мне его только сегодня подкинули. Но я не думаю, что он породистый.

– Какой вы добрый! Приютили бездомного, – восхитилась продавщица, и её глаза заблестели ещё ярче. – Тогда, я думаю, вам лучше купить гипоаллергенный корм премиум-класса, чтобы ваш питомец скорее адаптировался. Это наполнит его организм необходимыми компонентами, и вы увидите: шёрстка у него скоро станет блестящей. Вот этот, с лососем, просто чудесный!

Она сунула мне в руки огромную пачку с довольной мордой кота на упаковке. Ценник заставил меня содрогнуться.

– А без лосося никак? – набычился я, решив, что сам этот вид рыбы ел нечасто.

– Есть с курицей, индейкой… Но стоимость такая же будет, – в голосе девушке послышалось разочарование. Кажется, мой образ начал меркнуть в её глазах. – Надо узнать, какой он любит. Могу дать вам разный на пробу.

– Да, дайте три разных в небольших расфасовках. А то вдруг он лосося не захочет, – усмехнулся я, всё ещё надеясь, что кот у меня надолго не задержится.

– А наполнитель какой вам подобрать? У нас есть силикагель с лавандой, он лучше всего впитывает запахи и очень

экономичен! Есть комкующийся, есть впитывающий. Вам какой?

Я молча и выразительно посмотрел на неё исподлобья.

– Советую комкующийся, он удобнее, как мне кажется, – затараторила та, решив, что получило добро. – Вот, этого вам хватит надолго, – достала с полки увесистый пакет. – Лоток вот этот возьмите, с высокими бортиками и сеточкой. Очень хороший. А ещё вам нужна лопатка для экскрементов, конечно. И вот ещё, новинка! Паровая массажная щётка. Котикам очень нравится! И подшёрсток хорошо снимает лишний. И вот ещё… Вы сказали “блохастый”... Нужны капли на холку от блох и клещей. И таблетки от глистов возьмите, для профилактики. И витамины, обязательно нужны.

“Звездец! Вот это я удачно зашёл”, – девушка сыпала в корзину товары, а я с мрачным сарказмом наблюдал за ней.

Кажется, меня, Илью Жданова, вроде не лоха по жизни, эта пигалица, поняв, что я профан в мире животных, искусно разводила на деньги, складывая в корзину “лучшее” для блохастого “дворянина”.

Второй консультант, женщина за сорок, стояла и безучастно наблюдала, как посетительница с мизерной собачкой самостоятельно подбирает одежду той, примеряя ей кепочки и кроссовки…

Кажется, мир окончательно сдвинулся.

Или это я сошёл с ума и мне сегодня всё снится?

Наконец, мы добрались до кассы, и я обречённо полез в карман за картой.

– Можете, кстати, поучаствовать в нашем благотворительном сборе для приюта бездомных животных? – решила окончательно разорить меня девушка, сияя обворожительной улыбкой. – Любая помощь важна!

В её глазах было столько неподдельного энтузиазма, что я уже на автомате швырнул в коробку для сбора две случайные пачки корма с полки возле кассы.

– Кажется, с курицей. Надеюсь, бездомные такое едят, – вздохнул, наблюдая, как та ловко пробивает товар.

“Талантливая девочка. Продавец-консультант, мать её! Хозяева магазина должны ей двойную зарплату платить за такую работу”, – усмехнулся про себя.

Итоговая сумма снова превзошла ожидания, и я, едва не присел на стул, рядом с кассой.

Кот Компот только что сожрал половину моего месячного продуктового бюджета.

– Приходите ещё! – жизнерадостно помахала мне вслед девушка.

“Обязательно”, – фыркнул я, поспешно удаляясь, пока она не вспомнила ещё что-то “нужное” для моего подкидыша.

Вышел на улицу. В голове гудела неприятная мысль, что такими темпами мне придётся распрощаться с идеей слетать осенью с Каринкой на Мальдивы.

“Карина… Могла бы и приехать. Нечасто я просил её о чём-то, – снова шевельнулся в душе червячок обиды.

Я шёл к дому, обвешанный пакетами, как новогодняя ёлка, и чувствовал себя не покорителем жизненных вершин, а чайником, которого сегодня поимели по всем статьям все, кому не лень.

Притом, было ощущение, что это только начало…

Глава 10. Допрос

Я занёс пакеты в прихожую и сразу отправился к соседке. Всему виной были угрызения совести: пришёл к незнакомой девушке, которую ещё неделю назад домогался в пьяном угаре, оставил на неё чужих голодных детей и ушёл. Сказал на полчаса. А прошло уже полтора.

Подкидыши были моей кармой, а я бессовестно сбагрил их на её хрупкие плечи.

Нажал кнопку звонка, очень рассчитывая, что Василиса не успела разгромить квартиру соседки.

Дверь открыла Людмила. Вошёл в прихожую, пытаясь определить по её лицу, всё ли в порядке. Что-то в ней изменилось за время, пока меня не было.

Во всяком случае, смотрела она на меня странно.

– Прошу прощения – задержался в магазине. Я за детьми, – начал с извинений, пытаясь разобраться, что не так. – И… спасибо вам огромное. Вы меня очень выручили…

– Дядя! – Василиса пулей вылетела из комнаты и повисла у меня на ноге, перебивая на полуслове. – А там Кеся! Тётя Люда выпустила его из клетки, и он летал по комнате, а потом сел на скаф и сказал: "Кеся халёсий!”. А потом меня узнал и поздоловался. А есё он печенье моё стасил. А потом сел Насте на голову и в её волосах копался!

Василиса тараторила без остановки, размахивая руками и

подпрыгивая на месте. За ней следом вышел Ярослав с припухшей щекой и довольным выражением лица.

– Кеша, это попугай, – пояснил он, перекатывая что-то во рту за другую щеку. – Он говорит, но немного.

– Ого! Вот вам повезло! – я попытался изобразить энтузиазм. – Я рад, что не скучали и, надеюсь, ничего здесь не успели сломать?

Испытующе посмотрел на Людмилу. Она стояла, прислонившись к косяку, скрестив руки на груди, и буравила меня взглядом. Вроде не враждебно. Скорее, изучающе. Как рентгеновский аппарат, который просвечивает пациента насквозь и видит все изъяны в костях.

– Нет. Все целы, – усмехнулась она.

– Тогда, спасибо вам ещё раз, – повторил, ощущая себя не в своей тарелке. – За то, что посидели. И накормили их.

– Пожалуйста, – проговорила та сдержанно.

Я замер, теряясь в догадках.

И, кажется, до меня дошло: я ведь даже не представился. Заявился такой, оставил детей и ушёл… А она даже не знает, кто я.

“Или дети наговорить лишнего?” – промелькнуло в голове.

– Простите, Людмила, я не представился. Меня Илья зовут, – кивнул, максимально широко улыбаясь. – Жданов фамилия. Квартира, как вы успели заметить, здесь рядом. И

мы… мы с вами, кажется, встречались неделю назад. В подъезде. Хочу извиниться за то недоразумение… Я вёл себя, как…

– Как хам, – договорила за меня с усмешкой.

“Блин, провалиться и не жить”, – чувствовал себя школьником в кабинете директора.

– Пьяный был. Простите.

– Ладно. Проехали, – ответила так, словно отмахнулась. – У меня к вам, Илья, другой вопрос. Скажите, а где их родители? – спросила холодно, указав взглядом на детей.

Почувствовал себя преступником на допросе.

Значит, ребята всё-таки что-то наговорили ей. И теперь Людмила чёрт знает, в чём меня подозревала?

Внутри всё сжалось от нехорошего предчувствия. Я же о ней ничего не знал. Вернее знал, что вполне могла за себя постоять.

Она снова смотрела на меня так, как тогда в подъезде. Может, решила, что я украл детей?

– Эээ… – оглянулся на ребят и запнулся.

Василиса снова ковыряла пальцем дырку на колготках, Ярослав, склонив голову набок, ждал, что я ей отвечу.

– Сейчас уже поздно, – проговорил ровно. – Детворе пора спать. Да и вам, думаю, тоже пора от нас отдохнуть. Я охотно поговорю с вами. Но в другой раз. Хорошо?

Взял Василису за руку, кивнул Ярославу и двинулся к выходу. В дверях остановился.

– И простите, совсем из головы вылетело. За ужин, за хлопоты… Сколько я вам должен? Могу на карту скинуть, могу наличкой занести. Скажите сумму.

Людмила выпрямилась. В её глазах промелькнуло что-то острое.

– Я это сделала не для вас, – отрезала она. – А для детей.

Снова она меня выставила полным ничтожеством. Аж в жар бросило.

– Я понимаю. Но всё же… – заупрямился я.

– Ничего вы не понимаете, – перебила она, сердито сверкая глазами.

“Ну, точно, гепард!”.

– Вопрос о местонахождении родителей этих детей остаётся открытым. Я жду от вас объяснений, Илья. Или, потом не обижайтесь, если к вам нагрянет полиция.

“Ну и влип я”.

Она не шутила.

– Уложу детей спать и зайду, – посмотрел в “гепардовые” глаза Людмилы исподлобья.

Она снова бесила меня!

Кого она из себя возомнила?!

Эта пигалица с хвостиком мне, Илье Жданову, диктовала условия, и я ничем не мог ей ответить.

Задыхаясь от бешенства, начал выводить детей из квартиры, но они заупрямились, активно прощались:

– До свидания, тётя Люда!... Настя, а ты к нам плидёшь?...

– Доброй ночи! – доброй феей улыбнулась Людмила им.

Наконец, дверь за моей спиной закрылась.

В прихожей своей квартиры включил свет и…

Слава богу, что я это сделал, иначе споткнулся бы об кота.

Этот мерзавец вытащил из пакета сосиски. Сколько съел теперь не узнать. Но те, что остались – все были покусаны.

– Ах ты засранец! – взревел я, хватая тапок.

Я не собирался бить его. Тем более при детях. Я только хотел шугануть его, чтобы дать понять, кто здесь главный.

Но тот прервал умывание, лениво глянул на меня и продолжил тереть морду лапой.

“Звездец! Этот наглец чувствовал себя в моём доме хозяином!”

– Да что за день-то такой?! – взревел я, замахиваясь в усатую морду тапкой.

– Ай! – пискнула Василиса, словно я целился в неё.

– Пап! Не надо!... – кинулся ко мне Ярик и, запрокинув голову, повис на руке.

Его… Мои глаза, полные слёз, смотрели мне прямо в душу.

“Это он мне сейчас? Он сказал “пап”?!” – почувствовал в ногах слабость и прислонился к стене.

Глава 11. Снова проблема

Я стелил постель детям на диване в зале и чертыхался. На нём никогда никто не спал раньше, поэтому не было ни матраса, ни белья под его размер. Простыня всё время норовила съехать, одеяло пришлось принести своё с кровати. Поймал себя на мысли, что никогда не заправлял постель кому-то кроме себя.

Принёс из прихожей чемодан и пакеты с вещами детей, поставил возле шкафа и попросил разложить их на выделенных полках. Ребята тут же накинулись на содержимое, как голодные птенцы на корм. Василиса вытаскивала платьица и бегала с ними к зеркалу, кривляясь там. Ярослав действовал методичнее – перебирал вещи, выбирая свои, и складывал их по категориям.

Ну точно – мой сын!

С долей гордости посмотрел на пацана и тут обратил внимание на пятно от сладкого на футболке. Василиса выглядела того хуже. На колготках красовалась та самая дырка, только намного больше, которую она ковыряла весь вечер. И кофточка на груди была вся заляпана.

До меня вдруг дошло: детей же положено мыть вечером. Перед сном.

"Блин", – расстроился я и пошёл в ванную.

Набрал воду, проверил локтем – не горячая? Вроде нор-

мально. Закрыл кран и крикнул в сторону зала:

– Эй, мелочь! Идите сюда! Мыться будем!

Они прибежали на удивление быстро. Стояли в дверях ванной и смотрели на меня с разной степенью любопытства.

– Так, вопрос, – я почесал затылок. – Вы как, обычно, моетесь? В ванне или под душем?

– В ванне! – звонко объявила Василиса. – Мама меня в ванне купала. С пинкой!

– С пенкой, – поправил я машинально. – Ну, я не мама, – пробормотал себе под нос, прикидывая с чего начать. И вдруг меня накрыло. Я смотрел на мелкую в испачканной одежде, с растрёпанными косичками, и до меня медленно, но отчётливо доходила очередная проблема.

Я – не мама!

И даже не тётя.

Мыть чужого ребёнка, девочку, я вряд ли имел право без разрешения на то родителей или службы опеки.

В голове одна за другой замелькали картинки: Людмила с её рентгеновским взглядом, полицейские в моей прихожей и разбирательства... А если Васька ляпнет что-то Людмиле? Та и так смотрит волком. Вдруг неправильно поймёт?

– Пап, так кто первый мыться будет? – Ярослав дёрнул меня за руку.

Его “пап” снова медовой патокой разлилось по сердцу. Отцом я себя совсем не чувствовал, но когда он так говорил,

внутри меня что-то откликалось незнакомыми ранее приятными чувствами.

– Подожди, – задумался я. – Тут такое дело… Идите пока, разберите Васины вещи, ладно? Помоги ей. А я на минуту к соседке. Скоро приду!

– А мыться? – Василиса надула губы.

– Скоро! Но пока иди в комнату. Без меня в ванну никто не заходит! Ясно? – посмотрел на них строго, – не будете слушаться – поставлю в угол вместе с котом, – напомнил для устрашения, что того так и не наказал за сосиски.

Закрыв дверь ванной на защёлку, вышел в коридор.

Я снова стоял под дверью Людмилы. Третий раз за сегодня. У неё были все основания меня возненавидеть. Но у меня не было выхода.

Позвонил.

Открыла быстро. Снова эта её поза – руки скрещены, взгляд испытующий.

– Опять вы? – без особого удивления, с лёгкой усмешкой.

– Простите! Людмила, – выпалил я на одном дыхании. – Просто мне не к кому… Тут такое... Мне нужно вам кое-что рассказать. Про детей. И мне нужна ваша помощь.

Она посторонилась, пропуская меня в прихожую.

Я прикрыл дверь и, переминаясь с ноги на ногу, выложил всё. Быстро, сбивчиво, но честно. Про Светлану, про Марину, про то, что Ярик, судя по всему, мой сын, про Василису,

которую оторвать от брата невозможно, про то, что не знаю, как поступить, и надеюсь, что Светлана одумается и вернётся. Хотя бы завтра.

– А почему вы не хотите обращаться в полицию? – голос Людмилы стал острым, как скальпель. – У вас были приводы?

Я даже опешил от такого поворота.

– Нет! – выпалил я. – Никаких приводов у меня не было. Просто... Ярик, он по всему выходит – мой сын. Понимаете? Мой. И я не хочу, чтобы его забрали в детский приёмник. Я обязательно обращусь в опеку. Но сначала хочу проконсультироваться у юристов. Узнать, что и как. Чтобы не навредить ему.

– А Василиса? – она прищурилась. – Она тоже ваша?

– Нет. Не моя. Но она сестра Ярика. А он от неё ни на шаг. Вы же видели.

– И что вы собираетесь делать?

– Доказать отцовство. Усыновить Ярослава.

– А Василису? – на её глаза словно туча набежала. – Её вы собираетесь в детский дом отправить?

Я почувствовал, как внутри всё сжалось. Она задавала чересчур прямые вопросы, на которые я пока сам себе не мог ответить. И ещё этот взгляд её. Я ещё ничего не ответил, а словно уже знала всё про меня.

– Если честно... – голос мой дрогнул. – Я пока не думал.

В идеале, конечно, было бы здорово, чтобы и её удочерили. Чтобы попала в полную, нормальную семью. А мне…

Даже если захочу, вряд ли дадут сразу двух детей. Я ведь не женат… – неприятно было оправдываться. Но ведь и не пошлёшь! Это я к ней за помощью обратился, не она.

– И вообще. Я же не знаю, как с детьми обращаться. Какой я отец? – вздохнул, чувствуя себя ничтожеством в её глазах.

– Вот и сейчас, – продолжил через силу. – Детей надо мыть. Я пришёл попросить вас... Не могли бы вы помочь? Я просто не знаю, имею ли право по закону. Василиса же девочка. Чужой ребёнок...

– По закону, – перебила она жёстко, – вы сразу обязаны были сообщить в полицию о том, что вам детей подкинули!

– Да, – нахмурился, проклиная себя за откровенность с ней. – Но... Вы представляете, какой это для них был бы стресс? Они только что мать потеряли… А так, у них хоть есть немного времени, чтобы адаптироваться к переменам в их жизни. Они жили в другом городе. Служба опеки там начнёт искать их. Светлана, наверное, сообщит мой адрес, и они придут сюда. Но, я надеюсь, у меня есть несколько дней, чтобы сделать тест ДНК, получить консультацию и подготовить документы для оформления опекунства или чего там надо… А если нет возможности оставить их у себя, то я хоть подготовлю детей морально.

Людмила слушала меня и молчала. Наверно, она видела

мою никчёмность в этих вопросах.

Глава 12. Идиллия

– Да, вы правы, – неожиданно согласилась с моими доводами она. – Ну что ж, коли вы меня уже втянули в свои преступные действия... – в глазах снова появились смешинки, а голос чуть смягчился. – Не стану пока сообщать о ваших подкидышах в полицию.

У меня отлегло от сердца, и я шумно выдохнул.

– Ладно, побуду пока вашей сообщницей. Только если вы попадётесь, я буду всё отрицать и скажу, что знать ничего не знаю, – добавила строго, но я был согласен на любые её условия. – Пойдёмте, помогу вам искупать и уложить детей.

Я просиял.

– Но делаю это, – она подняла палец, и улыбка тут же сползла с моего лица, – исключительно в интересах детей! Для вас, Илья Жданов, сосед-алкоголик, я бы палец о палец не стукнула!

– Я не алкоголик, – буркнул я, но она уже выходила из квартиры.

В моей прихожей Людмила осмотрелась и попросила принести для детей полотенца.

– Василиса, идём купаться! – заглянув в комнату, позвала таким тоном, будто делала это каждый день.

Мелкая выскочила из зала, радостно топая, и через мину-

ту из ванной уже слышался визг, смех и плеск воды.

Я стоял под дверью, как пень, и слушал.

– Головку наклоняй, сейчас помоем... Нет, глазки зажмурь, водичка не кусается... Умница, какая ты чистюля!...

“Во даёт!” – усмехнулся я её мгновенному превращению: на меня только что смотрела, как на преступника. А с Васькой – сама нежность.

Через пятнадцать минут Людмила вышла из ванной с завёрнутой в мохнатое полотенце, румяной Василисой, на руках. Мордашка у мелкой была довольная, глаза блестели – кажется, она была счастлива.

– Неси в постель, – скомандовала мне Людмила, передавая в руки куль с ребёнком. – А ты, – она обернулась к Ярославу, который наблюдал за всем из прихожей, – иди в ванную. Илья тебя сейчас помоет.

“Я?!”

Отнёс Василису на диван и вернулся в прихожую.

– А… Точно я? – переспросил на всякий случай.

– Конечно! Мужик же. Справишься, – она подтолкнула меня в спину. – Идите.

Отправился мыть Ярика. И… Не без труда, конечно, но я реально справился! И голову ему помыл, и он ни разу не закричал, что щиплет глаза. Или, он мужественный, такой? Как я…

Вышли из ванной сплочённые и довольные друг другом.

В кухне нас ждала идиллическая картина.

Василиса, чистая, причёсанная, в пижамке с зайчиками, сидела за столом и степенно пила чай с печеньем. Людмила сидела напротив и что-то тихо ей рассказывала.

В углу, возле раковины, стояли две мисочки – с кормом и с водой. А на подоконнике, лениво жмурясь на уличные огни, сидел блохастый диверсант, Компот. Он даже не обернулся на моё появление. Сидел себе, как хозяин жизни, и смотрел в окно.

Я усмехнулся про себя. Кажется, все здесь были довольны жизнью. Дети, кот, чужая женщина. И только я, владелец квартиры, походу, не вписывался в их мир семейной гармонии.

Людмила, заметив нас, легко поднялась, налила Ярославу чай, не спрашивая, положила две ложки сахара и аккуратно размешала.

– Садись, Ярик, пей, – сказала просто, будто так и надо.

Я не верил своим глазам. Она словно всегда с ними жила. Знала, сколько сахара положить. Знала, как успокоить, как искупать, как уложить.

– Вы, наверное, воспитатель в детском саду? – спросил, чтобы хоть что-то узнать о ней.

Она подняла на меня глаза, и по её лицу пробежала лёгкая, почти неуловимая улыбка.

– Сообразительность вам к лицу, – ответила мне.

“Это – да? Или нет?”

Я хотел спросить ещё что-то, но она вдруг обратилась ко мне на "ты", и от этого внутри что-то дрогнуло.

– Ну что, Илья, дальше сам справишься?

При этом она гладила Василису по голове, и жест этот был таким естественным, таким материнским, что у меня защемило сердце: мелкая наверняка скучала по матери.

– Да, – проговорил твёрдо. – Справлюсь. Спасибо тебе... что помогла. Я один, наверное, свихнулся бы сегодня.

Хмыкнув, кивнула, поднялась и направилась к выходу. В дверях остановилась, обернулась.

– Завтра зайду утром. Им нужен режим и нормальный завтрак, – и, чуть помедлив, добавила: – Спокойной ночи.

Дверь за соседкой закрылась, и я остался один в прихожей. Перевёл взгляд на кухню.

Там за столом сидели двое детей, пили чай и о чём-то тихо переговаривались. На подоконнике лениво щурился наглый полосатый кот…

И впервые за этот безумный, выматывающий, нелепый день я почувствовал что-то, отдалённо напоминающее покой.

Глава 13. Утро кошмара.

Сквозь сон я услышал какие-то раздражающие звуки. Женские голоса. Но слов не разобрать.

“Соседи телик врубили с утра пораньше, – подумал сонно. – Идиоты! ”.

Перевернулся на другой бок, закинув вторую подушку на голову.

Выходной. Хотелось выспаться. А голоса не смолкали. Особенно визгливый, – он пробивался даже сквозь подушку. Знакомый какой-то… – потянул на голову одеяло, чтобы не слышать.

Но лучше бы я этого не делал.

Ступня оголилась, стало неприятно холодно. Начал подтаскивать ногу обратно под одеяло и…

– Бляаа! – взревел, мгновенно просыпаясь от неожиданной, острой боли.

Сесть в кровати я успел раньше, чем открыл глаза.

Это был треш!

В мою ногу, словно в добычу, вцепился… кот!

Держал когтями, и с остервенением вгрызался в неё, одновременно молотя по ней задними конечностями.

– Ах ты ж, скотина! – схватил подушку и запустил ею в зверюгу.

Но тот оказался быстрее: подушка пролетела мимо, а он

сиганул под кровать.

На стопе проступили кровавые саднящие полосы.

Память услужливо подкинула итоговую сумму чека из Зоомира…

И к горлу подступила реальная обида. Этот засранец второй день изводил меня, а ему за это ничего не было!

– Только выйди, гадёныш, прибью! – пообещал, тяжело дыша.

Протёр глаза. Голова гудела, как старый холодильник. Во рту – пустыня с привкусом дерьма.

Так и знал! Не стоило вчера открывать коньяк.

Презенты от благодарных пациентов в доме всегда водились. Обычно я их передаривал. Но вчера уложил детей, приготовил себе пельмени и… решил чуток снять напряжение: от мыслей голова пухла.

Кажется, переборщил.

Зато спал, как младенец.

Сейчас вот только, голова раскалывалась и сушняк во рту, будто пил неделю.

Из-за двери доносились всё те же голоса. Один – истеричный. Второй невозмутимый. И кажется, я знал хозяйку повышенных децибелов.

“Карина! Но какого чёрта она здесь делает?! – пронеслось в голове. – И, главное, с кем там у неё разборки?”

Я натянул трeники, футболку и вывалился в коридор. На

автомате заглянул в гостиную. Дети сидели на диване в разобранной постели, уставившись в телевизор. Ярик, увидев меня, махнул рукой и снова уткнулся в мультики. Василиса даже не обернулась.

Я прикрыл дверь и побрёл на кухню, пытаясь сообразить, с кем Карина скандалит с утра пораньше. И где, чёрт возьми, она взяла ключи?

Ах да. Ключи я ей оставил запасные, когда уезжал на дежурство в прошлый раз. А потом всё забывал забрать. Что это она здесь, с утра пораньше? Решила проверить, не привёл ли я кого? Или соскучилась?

Вошёл в кухню и застыл в дверях.

Картина была сюрреалистической.

Людмила, в домашней пижаме! Смешные штаны в цветочек и футболка с желтоглазой кошкой… Поверх них был повязан мой фартук. Девушка стояла у плиты и спокойно, с каменным лицом, переворачивала лопаткой сырники на сковороде. Они аппетитно шипели, и по кухне плыл божественный запах.

А в двух шагах от неё посреди моей кухни стояла Карина, как иллюстрация к глянцевому журналу, случайно попавшая в репортаж из обычной жизни. На ней был дорогой бежевый костюм. Пиджак распахнут, потому что в кухне жарко, под ним – шёлковый топ с глубоким вырезом и узкая юбка-карандаш, выигрышно подчёркивающая соблазнительные бёдра. Волосы идеально уложены, макияж – она что не умылась

вчера?

На высоких каблуках она возвышалась над Людмилой. Ещё и руками размахивала.

Контраст был разительный. Людмила в фартуке, с волосами, собранными в небрежный пучок, и Карина – словно из другого мира. Вспомнил её жизненное кредо: женщина – не прислуга. Я с ней не спорил. Не жена ведь.

Но сейчас я, глядя на них двоих, вдруг остро осознал, кто из них на кухне лишний.

Тем временем красная, как рак, Карина метала молнии:

– Ты кто такая?! – шипела она в спину Людмиле, сжимая ладони в кулаки. – Ты что здесь забыла, дрянь?! Что молчишь? Я с кем разговариваю?!

Людмила на неё никак не реагировала. Перевернула сырники, накрыла сковороду крышкой, выключила конфорку, поправила фартук…

Я стоял в дверях, меня никто не замечал.

“Ни фига себе кино”, – хмыкнул про себя.

Карина, значит, явилась с проверкой, а тут… другая, в пижаме, завтрак готовит…

Мысли заметались. Людмила сказала, что зайдёт утром. Я думал, она позже придёт. А она уже здесь. Дети дверь открыли? Или сам вчера не закрыл? Вот идиот.

– Кх, кх! – кашлянул, привлекая внимание.

Обернулись обе.

– Доброе утро, девочки! – сказал я с нарочитой бодро-

стью. – М-м-м! Как вкусно пахнет! – блаженно зажмурился для убедительности.

– Жданов! – Карина мгновенно переключилась на меня. – Ты мне ничего не хочешь сказать?!

– А что ты хочешь узнать? – зевая, прошёл к сифону, налил полный стакан воды. Залпом выпил. Чуть полегчало.

– Мне все говорили, что ты козёл! – голос Карины дрожал от обиды и гнева. – Я не верила! Я думала, у нас с тобой всё серьёзно! А ты?!

– А что я? – повернулся к ней, фокусируя взгляд. – Я тебя вчера звал. Просил помочь. Помнишь? Ты послала меня лесом.

– Так, было за что! – её лицо пошло красными пятнами. – Но к утру остыла, приехала, вот… И что я вижу? У тебя тут уже мне замена на кухне хлопочет?!

Она ткнула пальцем в сторону Людмилы, которая невозмутимо раскладывала сырники в тарелки. Затем полила их сметаной и откуда-то взявшимся на столе вареньем…

Я наблюдал за ней с восхищением. Она действовала с хирургической точностью, словно нас с Кариной за её спиной не существовало.

– Надо было позвонить сперва, – огрызнулся я.

Людмила тем временем налила чай в две кружки, добавила песок, размешала…

– Я звонила! Ты трубку не берёшь!... – продолжала негодовать Карина.

Закончив с сервировкой, Людмила сняла фартук, аккуратно повесила его на крючок возле раковины, повернулась к нам и ровным, спокойным, как гладь озера, голосом произнесла:

– Илья, не могли бы вы поговорить со своей гостьей где-то за закрытой дверью? Детям пора завтракать.

У меня челюсть отвисла. У Карины – тем более. На секунду мне показалось, что она сейчас кинется на Людмилу с кулаками. А я знал, чем бы для неё это закончилось.

– Пойдём, – поспешно схватил Карину за руку и потащил по коридору в “спортзал” – комнату для ежедневных моих тренировок.

Прежде чем закрыть дверь, обернулся. Людмила вышла следом, заглянула в гостиную и позвала:

– Ярослав, Василиса, завтракать!

С улыбкой, бляха, на лице!

Дети тут же выскочили и побежали на кухню.

Я закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Карина, скрестив руки на груди, сверля меня взглядом, встав в центре комнаты.

– Илья! Кто. ЭТА. Женщина? – её глаза метали молнии. – Ты с ней встречаешься параллельно со мной? Говори! Что она делает в твоей квартире утром?!

Каждое её слово молотком било по дребезжащим мозгам.

Я смотрел на неё и…

Мне совершенно не хотелось оправдываться.

Чтобы объясняться, я должен был чувствовать себя виноватым.

Или сильно заинтересованным.

А меня она меня сейчас совсем не возбуждала. Наоборот! Дико раздражала.

Но я допускал, что это на фоне похмельного синдрома.

Поэтому решил пока не пороть горячку…

– Сядь, – махнул рукой на кушетку. – Сейчас всё объясню. Только обещай молчать, пока не договорю.

Она не села. Но хотя бы замолчала. Прогресс!

Вздохнул. Рассказчик изменя был аховый. Но постарался изложить всё. Кратко без лишних подробностей.

Глава 14. Гениальный план

– Угу, – выгнув идеально очерченную бровь, заключила Карина, выслушав меня.

Я даже заметил промелькнувшую улыбку на её лице и успел выдохнуть, посчитав её за понимание. Зря.

– Так это соседка?! – переспросила она с каким-то новым, нехорошим блеском в глазах. – Понятно... Так это в корне всё меняет! Удобно-то как! Надо – разошлись по квартирам, а захотели – и ходить далеко не надо. Да?

– Ты на что намекаешь? – я не сразу понял, куда она клонит. Голова всё ещё ватная, соображала туго.

– На то, Жданов, что ты заврался вконец! – Карина упёрла руки в бока, и её идеальный маникюр сверкнул в утреннем свете. – Дети... Деваха с утра на кухне хозяйничает... Что ты мне лапшу на уши вешаешь? Зачем бабе чужие дети? Сказал бы честно, что бывшая с детьми нагрянула, я бы даже пожалела тебя. А так... Выставил меня идиоткой. Будто я пришла с этой лохушкой тебя делить.

– Карина, прекрати! – рявкнул я громче, чем собирался. Голова отозвалась болью, но сдерживаться уже не было сил. – Я тебе всё как на духу рассказал! Прими это за истину и... включи мозги! Мне помощь сейчас нужна, а не твои разборки!

– Помощь, говоришь? – она сердито прищурилась, и в

этом прищуре читалось такое презрение, что меня аж передёрнуло. – Понятно! Отряд волонтёров тебе организовать разгребать твои амурные последствия прошлого? А ты в это время что? Будешь бухать и давить одиноким соседкам на жалость?

“Ну, слава тебе, – закатил я глаза, – хоть с этим определились: Люда – соседка”.

– Сколько же в тебе цинизма... – покачал я головой, чувствуя, как внутри разрастается холодное, тягучее разочарование.

– Нет, Илья, не цинизма! – она вздёрнула подбородок. – Я просто не впадаю в иллюзии! От тебя несёт перегаром, но ты упорно пытаешься надавить мне на жалость. Иди, своей соседке лапшу на уши вешай! Пожалеет. Борща наварит... А мне – не надо!

Она расхаживала по комнате, и каждый её шаг на каблуках по паркету отдавался молотком в моих висках.

– То, что ты сейчас мне рассказал, говорит только о твоей... – она замялась, подбирая слова. Видно было, что ссориться совсем уж вусмерть со мной она не собиралась. Но и упускать момент самоутверждения – тоже не в её характере. – О том, что ты, Жданов, совсем не способен решать житейские вопросы.

– Ну-ну! – разозлился я. – А ты, значит, гуру в таких вопросах? Так подскажи, неразумному, что делать?

Я смотрел на неё в упор, с вызовом. Пусть ответит. Инте-

ресно даже…

– Тебе, Илья, ещё вчера надо было позвонить в службу опеки и в полицию и сообщить о детях, – отчеканила она, как по писаному. – И это не я говорю! Это по закону положено! – пальцем указала в потолок.

Я прям испытал дежавю. Она слово в слово повторила то, что вчера говорила мне Людмила. Только у Людмилы это звучало как забота о детях. А у Карины – как попытка указать мне, что права, как обычно, она.

– А ты пустил всё на самотёк, – продолжала она. – Чего ждёшь? Хочешь, чтобы дети привыкли к тебе? Чтобы начали думать, что ты можешь их к себе взять? Зачем? Ты же понимаешь, что тебе детей не дадут?

– Почему? – спросил я, хотя ответ уже знал.

– Потому что ты не женат! – она даже руками всплеснула. – У тебя сменная работа. И вообще, отцами становятся постепенно. Сначала морально готовятся, потом реально, с рождением ребёнка. А не так вот, на раз, два! Ты же сам взвоешь через пару, тройку дней. Дети ведь, всерьёз и надолго. А ты, Жданов, не про это.

– А про что я? – насупился.

Нет, Каринка была права. Я сам вчера весь вечер об этом же думал. Но ей почему-то хотелось возразить.

– Ты, Илюша, про работу, которая часто бывает без выходных, про байк свой, про друзей, про качалку…

– Понял. Можешь не продолжать, – буркнул я.

– Да пойми ты! Для опеки в приоритете – семья! И не только… Бумаг разных – туча. Тебе это надо? Да и детям – травма. Они привыкли друг к другу. А получится, что ты пацана возьмёшь, а девчонка в детдом поедет. Ты об этом подумал? Вместе им всяко лучше будет.

Я молчал. Карина говорила правильные вещи. От этого было ещё тяжелее.

– Я это понимаю, Кариш, – проговорил тихо, чувствуя, что накал её и мой понемногу спадает.

Подошёл ближе, обнял. Она не отстранилась, но и не ответила. Просто замерла. Я заглянул ей в глаза – красивые, с идеальными стрелками даже с утра.

– Вот и думаю... – проговорил, удивляясь тому, что рождалось сейчас в моей голове. – Карин, а давай, поженимся? А?!

Глаза Карины на миг вспыхнули. На одно мгновение в них мелькнуло что-то тёплое, настоящее. А потом – настороженность.

– Поженимся? – переспросила тихо. – С чего вдруг?

Она опустила глаза. Замерла в моих руках, как птица, которая не знала, улетать или остаться.

– Ну смотри, – я воодушевился. Идея казалась мне гениальной. Простой и элегантной. – Если мы поженимся, то сможем тогда усыновить, или как там? Удочерить? В общем, официально оформить и Ярика, и Василису! Ну? Как тебе мой план? – с улыбкой поиграл бровями.

Карина ошарашенно молчала.

Прижал её к себе, прокручивая в голове сложившуюся картинку. Мы – семья. Двое детей. Кот. Стоп! Кот ещё не ответил мне за царапины. Он пока не в счёт. Но в целом – неплохо. Правда, воображение тут же дорисовало: мы за обеденным столом все вместе, Людмила в фартуке. Подаёт мне тарелку с супом. Наклоняется… Ммм! Пахнет от неё так, что хочется…

"Чёрт!" – резко открыл глаза. Соседка и Карина в один кадр никак не вписывались.

Глава 15. Я и остальные

Я открыл глаза и понял, что Карина смотрит на меня как-то странно. В её взгляде смешались удивление, подозрение и... что-то ещё, чему я не сразу нашёл название.

– Илья, – сказала она тихо, но твёрдо. – Ты сейчас серьёзно? Предлагаешь мне выйти за тебя замуж, чтобы усыновить чужих детей?

– Ну... – я замялся. – Да. А что?

Она высвободилась из моих объятий, отошла на шаг и посмотрела на меня так, будто видела впервые.

– А то, что ты, Жданов, или гений, или полный идиот, – усмехнулась она, но в усмешке этой не было злости. Скорее – растерянность.

– И какой вариант выбираешь? – насторожился я.

Карина молчала несколько секунд. Потом вздохнула, подошла ближе и положила руки мне на грудь.

– Илюша, – голос её стал мягким, почти ласковым. – Я тебя полгода знаю. Ты думаешь, я не понимаю, что у тебя сейчас в голове каша? Ты вчера перебрал, сегодня с похмелья, тут дети, соседка эта со своими сырниками... Конечно, ты ищешь выход. Любой.

– Я не поэтому, – попытался возразить я.

– Поэтому, поэтому, – перебила она. – Я же вижу. Ты мечешься, как тот самый кот, который... Кстати, где кот?

– Под кроватью, – буркнул я. – Ногу мне разодрал утром.

Карина фыркнула, но быстро вернула серьёзное лицо.

– Слушай, – она взяла меня за руку. – Я наговорила тебе гадостей. Прости. Просто... когда я зашла и увидела эту бабу в твоём фартуке... У меня крышу сорвало. Честно.

Я молчал, пытаясь понять, куда она клонит.

– Я же люблю тебя, дурака, – сказала она тихо, и в глазах у неё блеснули слёзы. Настоящие? Или нет? Я уже перестал что-либо понимать. – Поэтому и бешусь. Поэтому и требую. А ты... Ты предлагаешь мне детей усыновлять. Чужих детей. С ходу.

– Кариш...

– Подожди, дай скажу, – остановила она. – Я, если честно, офигела сначала. Думала, ты совсем с катушек слетел. А потом смотрю на тебя – и вижу, что ты не шутишь. Что тебе правда больно и страшно. И что ты реально не знаешь, что делать.

Она помолчала, глядя куда-то в сторону.

– Я, конечно, не готова была сегодня к такому повороту, – усмехнулась она. – Но... Если тебе это так важно... Я попробую.

– Правда? – у меня даже дыхание перехватило. – Кариш, прости, я просто не ожидал такое услышать от тебя...

– А чего ты ожидал? – она улыбнулась, и улыбка была почти тёплой. – Я не просто так с тобой полгода встречаюсь, Жданов. Для меня это серьёзно. А если серьёзно, то, как го-

ворится, и в горе и в радости... Ну, или как там дальше?

Я прижал её к себе. В голове шумело, но на душе стало легче. Карина – умница. Она всё поняла. Она поможет.

– Только ты это... – я отстранился, заглядывая ей в глаза. – Ты сразу не делай поспешных выводов. Дети могут тебе показаться слишком активными и непослушными. Я тоже сначала так думал. А потом присмотрелся – и понял, что они просто дети. Притом дети, попавшие в сложную жизненную ситуацию. Им страшно, они потеряли мать, отца... Им нужна поддержка.

Карина кивала с понимающим видом, и я почувствовал, что заблуждался на её счёт. Не такая уж она и меркантильная. И даже не стерва, раз не ушла, хлопнув дверью, а осталась. Может и правда любит меня?

– Пойдём, – сказал я, беря её за руку. – Познакомлю тебя с ними нормально. И с Людмилой... соседкой. Просто соседкой. Она мне очень помогла вчера. И сегодня вот… Я спал. А она пришла детей накормить.

– Конечно, соседка, – улыбнулась Карина, но в глазах её мелькнуло что-то неуловимое. Я не придал значения.

Мы вышли в коридор. Из кухни доносились детские голоса и звон посуды.

Людмила стояла возле раковины, но уже без фартука. Увидев нас, она повернулась и посмотрела спокойно, без тени эмоций.

– Илья, – сказала ровным голосом. – Детей я покормила.

Дальше, видимо, вы справитесь сами.

Она сделала ударение на "вы", и я понял намёк. Пусть, мол, твоя девушка теперь помогает.

– Люд, спасибо тебе огромное, – начал я. – Ты нас очень выручила...

Но она уже шла к выходу. В прихожей её догнали дети.

– Тётя Люда! – Василиса повисла на ней, как на родной. – А можно мы к вам плидём? К Насте? И к Кеше?

Ярослав тоже подошёл, но держался с достоинством, хотя в глазах читалась надежда.

Людмила остановилась, вздохнула и посмотрела на меня долгим взглядом. Кажется, она жалела, что оказалась дома, когда я позвонил в её дверь.

– Вам, Василиса, я буду рада. Приходите, – сказала она, обращаясь почему-то ко мне. – Но разрешение спрашивайте у…

Она замялась. Я видел, как она мучительно подбирает слово. Папа? Дядя Илья? Как назвать меня для малявки?

Я и сам не знал, как. И то, что Ярик называл меня папой, пока резало слух.

– У Ильи, – закончила она наконец, не выбрав никакого обращения. – Спросите у Ильи. Если он разрешит – приходите.

Она аккуратно поправила резинку на косичке Василисы. Я только теперь обратил внимание, что волосы мелкой не растрёпаны, как вчера вечером, а заплетены в узор из коси-

чек вокруг головы.

– Пока, капитан! – Люда выставила ладонь вперёд, и Ярик с готовностью хлопнул по ней своей.

"Ого! А почему" капитан?" – возник резонный вопрос, но спрашивать не стал.

Люда вышла, тихо прикрыв за собой дверь. А я остался офигевать, как это у неё так ловко получилось, за короткий промежуток времени расположить к себе детей?

“А, ну конечно! Кто рано встаёт, того и тапки”, – нашёл единственный ответ у себя в голове.

– Пап, так нам можно будет пойти к тёте Люде? – напомнил о себе Ярик. Он всё ещё переминался с ноги на ногу в прихожей.

Это "пап" снова резануло по сердцу. И согрело одновременно.

– Можно, – сказал я. – Но не сейчас. Думаю, у тёти Люды есть и свои дела. Она с вами и так всё утро провела… Давай вечером? Договорились?

– Ладно, – кивнул Ярик. – А сейчас нам чем заняться?

– Сейчас? – я поскрёб затылок. – А вы до завтрака мультики же смотрели?

Ярик снова кивнул.

– Ну вот. Можете пока продолжить. Мне надо умыться и позавтракать. Потом решим, чем сегодня займёмся.

– Хорошо, пап, – Ярик ушёл в комнату.

– Балиин! Тренировка же была по плану… – пробормотал

я, оглядываясь на Карину. Она стояла в дверях кухни, скрестив руки на груди, и изучающе разглядывала меня, будто видела впервые.

– Что? – спросил у неё, в душе огорчаясь, что мой выходной шёл, кажется, по побоку. Предстояло придумать что-то совместное с детьми и Кариной, чтобы та смогла познакомиться с ними поближе.

– Ничего, – усмехнулась она. – Иди завтракать, “папа”.

Я пошёл на кухню, чувствуя себя героем какого-то странного фильма, где сценарий пишут сумасшедшие, а режиссёр явно издевается.

Глава 16. Карина и диверсант

Я налил воду в турку, поставил на плиту и достал две кружки. Кофе – это то, что мне сейчас было жизненно необходимо. И Карине тоже, судя по её бледному после истерики лицу.

– Бутерброды будешь? – спросил у неё, вытаскивая из хлебницы батон.

– А с чем? – прозвучал резонный вопрос.

– Сегодня у меня по богатому. Для бутерброда есть и сыр, и ветчина, – усмехнулся я.

– Мне с сыром, – проговорила, усаживаясь за стол.

Удивился. Карина не стала уточнять название сыра. Значит, всё ещё на стрессе.

Приготовил бутерброды, разлил кофе по чашкам и уселся за стол.

Ели молча, и я был за это весьма благодарен Карине. Она что-то листала в телефоне, периодически поглядывая на меня, а я чувствовал себя выжатым лимоном и наслаждался наступившей тишиной.

Управился с бутербродами, допил кофе и почувствовал себя почти бодрым.

Почти – это оттого, что чувство сытости приподняло градус настроения, но как разумный человек, я понимал, что проблемы никуда от меня не делись. Они сидели в соседней

комнате и смотрели мультики. Но вечно они там сидеть не могли, поэтому надо было что-то решать.

– Кариш, слушай, – начал я, отодвигая пустую посуду от себя, – как ты смотришь на то, чтобы прямо сейчас пойти куда-нибудь с детьми?

– В смысле? – Карина зависла, не донеся чашку до рта.

– В коромысле, Карин! – нахмурился я. Она не была тупой. Зачем тогда испытывала моё терпение? – Надо же тебе с ними как-то познакомиться… поближе. Да и ребят надо прогулять. Не могут же они у телика весь день торчать. Погода сегодня нормальная, без дождя. Давай съездим с ними на Чудо-остров? Там аттракционы, мороженое...

Карина медленно прожевала, проглотила и посмотрела на меня с выражением "ты серьёзно?"

– Илья, ты прости, но такое планируют заранее, – сказала она ровным голосом. – У меня сегодня куча дел. Я заехала к тебе по пути. Сейчас, – она демонстративно посмотрела на часы, – мне уже пора. У меня через сорок минут маникюр.

Я машинально глянул на её руки. Идеальные ногти, как всегда. Чего там ей делать сегодня?

– Кариш, ну посмотри, у тебя же всё в полном порядке, – возразил я. – Может, перенесёшь? Ну, подумаешь, мастер...

– Не могу я подводить человека! – перебила она с лёгким раздражением. – У неё день расписан по минутам. И вообще, я записывалась за две недели! Я планировала, понимаешь?!

И потом... после маникюра у меня тоже всё время расписано. Так что нет, Илья. Сегодня я никак не смогу, – заявила твёрдо.

– Ладно, – я старался не показывать разочарования. – Тогда завтра.

– Завтра тоже никак, – Карина вздохнула, как будто ей приходилось объяснять прописные истины. – Я обещала Елене подменить её на дежурстве. У неё день рождения. Отмечать с семьёй будет. Так что, прости – в другой раз.

Я понимал, что свалился на её голову со своими проблемами внезапно. Поэтому молчал. Всё правильно. Она ведь не должна мне.

Или должна?

Сама же сейчас говорила про “в горе и радости”.

А у неё это выходило как-то однобоко. Завтра, понятно – работа. Но сегодня свои салонные дела вполне могла отложить.

Но не захотела.

Карина допила кофе и поднялась.

– Илюш, ничего страшного, – проворковала она уже в коридоре, на ходу натягивая пиджак. – Жизнь длинная – всё успеем. Ты сам, главное, к ним присмотрись. А после ответь себе честно: нужна ли тебе сейчас такая обуза? Или что, боишься не успеть детей нарожать?

Зря. Когда поженимся – своих запланируем.

Я слушал её, и внутри закипало глухое раздражение.

Обуза. Она сказала "обуза". Не дети, а обуза…

– Жданов, у тебя тут кошатиной воняет! – Карина брезгливо повела носом. – Ты лоток коту здесь, что ли, поставил?

– В ванной лоток, – буркнул я. – Всё нормально.

– Ну-ну, – хмыкнула она, не глядя скидывая свои дежурные шлёпанцы, сунула ногу в туфлю-лодочку.

И вдруг замерла.

Её лицо ожило от разнообразия эмоций: от брезгливости к недоумению, потом, к ужасу, и наконец – к ярости.

– Бли-и-ин! – взвыла она, снимая туфлю и хватая её в руки. – Это что?!

Поднесла туфлю к носу, понюхала – и её перекосило окончательно.

– Капец! – заорала так, что, наверное, Людмила в соседней квартире услышала. – Жданов! Это ни в какие ворота! Ты что, лоток коту не поставил?!

– Поставил! – я уже догадался, в чём дело, и внутри меня теперь боролись ужас и дикое, неуместное желание расхохотаться. – В ванной стоит. Это точно.

– Тогда какого чёрта он в туфлю мне нассал?! – Карина трясла перед моим лицом мокрой, пахнущей кошачьей мочой лодочкой.

Я смотрел на остриё шпильки и очень надеялся, что она контролирует амплитуду своих движений.

“Компот! Мерзавец полосатый. Мало что ногу разодрал, так, ты ещё диверсию решил устроить?!” – возмущение плес-

калось, подбираясь к отметке: “Найти и разобраться срочно!”

Ему повезло, что не в мою он обувь нагадил.

– Карина, подожди... – начал я, но она уже не слушала.

Продолжая ругаться, протопала в ванную.

Я слышал, как льётся вода, как она шипит там и плюётся.

Идти и успокаивать желания не было.

Ждал в прихожей.

Минут через пять вышла с мокрой туфлей в руке, промакивая её салфетками. Затем бросила их прямо на пол, обулась, благо вторую – кот не тронул, и, даже не взглянув на меня, вылетела в коридор.

– Всё, Жданов, пока! – крикнула уже с лестничной площадки. – Разбирайся сам со своим зверинцем!

Дверь хлопнула, а я всё смотрел на разбросанные по полу салфетки.

– Компот! – заорал я в сторону комнаты. – Имей в виду, гад! Поесть тебе всё равно придётся просить у меня…

Тишина. Только из гостиной доносились звуки мультиков и детский смех.

Сходил за шваброй, подмёл салфетки и песок в прихожей. Проверил лоток кота.

Чистый!

“Эстет, бляха!” – усмехнулся, представляя, как тому пришлось раскорячиться, чтобы попасть именно в туфлю, а не мимо, на пол. Я подметал там только что – ни единой капли

на паркете не увидел.

Но зачем?

“Метит?!” – осенило вдруг, и я не на шутку испугался, вспоминая дворовых котов в деревне.

Знал, что домашних, во избежание таких вот проблем, кастрировали.

“Этого мне только не хватало!” – упал духом я.

Заглянул к ребятам – те увлечённо смотрели “Машу и медведя”.

Отлично!

Утро пролетело мимо. Но принять душ следовало.

Вернулся в ванную, включил воду.

Сначала немного постоял согреваясь. Шум падающей воды расслаблял и отвлекал от неприятных мыслей.

Затем прошёлся по телу мочалкой с гелем и ещё постоял под упругой, почти горячей струёй.

Итак, что я имел?

Карина пришла с утра. Значит, ей не плевать на меня.

Застала Людмилу.

Устроила скандал. Показала Людмиле, кто здесь главная.

Мне сказала, что готова на всё, если со мной.

А сама сбежала при первой же возможности. И теперь, после выходки Карины, мне обращаться за помощью к Людмиле совсем не комильфо.

Она наверняка теперь думала, что я козёл неблагодарный. Пришла помочь, а тут разъярённая фурия устроила ей сцену

ревности.

Наорала ни за что.

А я, как идиот, смолчал.

“Надо извиниться”, – нашёл я повод, чтобы ещё раз позвонить в её дверь.

Переключил воду на холодную.

Колкий поток обрушился на голову, заставив содрогнуться. Остатки вязкой тупости тут же испарились. Хотелось прекратить это издевательство над собой. Но я терпел.

Когда замёрз напрочь, выключил воду и растёрся жёстким полотенцем.

КаеФ!

Наконец, почувствовал себя.

Быстро оделся, вспомнив, что оставлять детей надолго – опасно.

Теперь мне предстояло придумать, чем занять их сегодня, и как прожить этот день без посторонней помощи.

И, желательно, не убить кота.

Правда, последнее вызывало сомнения.

Глава 17. Афина и ясновидящий

Я стоял перед дверью Людмилы и мялся, как подросток перед первой любовью. В голове прокручивал варианты извинений, но все они казались жалкими и неубедительными.

“Ладно, – решил я. – Будь что будет”.

Нажал кнопку звонка.

Дверь открылась почти сразу. Людмила смотрела на меня волком. Руки скрещены на груди, брови нахмурены, поза – “у тебя тридцать секунд, и я вызываю наряд”.

– Чего тебе? – спросила она без всяких предисловий.

– Люд, я... – начал я и понял, что если сейчас не проявлю напористость, она закроет дверь прямо перед моим носом. – Извиниться пришёл. За всё. За вчера, за сегодня, за Карину. Можно войти?

Она колебалась секунду, но я уже шагнул через порог. Нагло, да. Но терять мне было нечего.

– Проходи, – буркнула она нехотя. – Только быстро. У меня дела.

Я прошёл в комнату. Здесь всё было не так, как в моей холостяцкой квартире. Уютно. Цветы на подоконнике, плед на диване, книги на полках. И пахло аппетитно… Блинами?

– Люд, я правда хочу извиниться, – проговорил, оборачиваясь к ней. – Прости, что втянул тебя в этот цирк. Для меня самого, визит Карины был неожиданностью. Но ты дер-

жалась молодцом, – не мог сдержать своего восхищения. – Ну и выдержка у тебя!... Первый раз вижу девушку с такими железными нервами. Ты, часом, не снайпер? Легко представил, как неподвижно сидишь в засаде…

Мимолётная улыбка осветила миловидное лицо Людмилы, и мне захотелось ещё что-то сморозить.

– Слушай, я неделю вспоминал тот твой захват, – непроизвольно потёр ещё помнившее боль плечо. – Это было чисто. Очень чисто. Ты, часом, не массажист – спортивный? Нет? Они знают мышцы, но так суставы берут только... остеопаты с жёсткими техниками, – вслух рассуждал я, следя за её реакцией.

Девушка, пряча улыбку, помотала головой.

– Нет? Ладно… Я за свою практику насмотрелся на переломы после драк. И знаешь, так руку ставят только те, кто знает, где локтевой сустав заканчивается. Ты медсестра в травме? Тоже нет? Тогда инструктор по самообороне для женщин. Опять мимо?

Украдкой любовался девушкой.

Хотелось назвать её с богиней. Подумал, на ум пришла Афина. Но сравнивать её с богиней-воительницей вслух не стал.

Вдруг не поймёт?

– Ну, не знаю… – поскоблил задумчиво я щетину на скуле, продолжая испытывать терпение Люды своим “допросом”. Мне на самом деле хотелось, чтобы она рассказала о

себе. Но как разговорить? После сегодняшнего “концерта”, она не была настроена на откровения со мной.

– Ты такая, хрупкая, а во взгляде – прокурор на допросе. Может, юрист? Они умеют не показывать эмоций, пока оппонент не расколется.

– Хах!... – оценила она мою шутку. – Теплее, но мимо.

– Угу! – она уже смеялась и не гнала меня взашей – отлично! Получив негласное добро, я напряг до предела своё остроумие:

– Внешность – фотомодель, выдержка – телохранитель. Ты работаешь в ФСО? Может, ты личный охранник высокопоставленного лица? Тоже нет? Ладно! Можешь думать, что у меня паранойя, но мне кажется, что ты… шпионка. – сам не выдержал и затрясся от смеха, настолько абсурдной показалась эта версия. Показная сдержанность Людмилы только сильнее распаляла узнать, а что там внутри, под этой “обёрткой”. Мне почему-то казалось, что если она сбросит колючки, как лягушачью кожу, то…

Невольно вздохнул, цепляясь взглядом за её сочные, мягкие на вид губы.

– Ну серьёзно, такие навыки самоконтроля в стрессовой ситуации... Это же годами тренируется. Или… У тебя отец военный? И дома была жёсткая дисциплина?

– А ты – ясновидящий? – склонив голову набок, посмотрела на меня с бóльшим интересом, чем до этого. – Прям, что ни слово, то в точку.

Это издёвка? Или мне показалось?

– Ладно. Извинения приняты, – проговорила она уже без улыбки. – Всё?

– Нет! Ещё я хотел поблагодарить за завтрак для детей. Но благодарность занесу позже.

– Ничего не надо. Мне несложно было.

– Ах-хах! Несложно. Скажешь тоже! Это же полевая кухня была. В эпицентре боевых действий тебе пришлось детям еду готовить. Но ты держалась мужественно, чем совершенно вывела из себя противника…

“Ну вот, – усмехнулась. Значит, не так всё плохо”.

– Да уж. Шумная особа. Но, – Людмила развела руками, – сердцу, видно, не прикажешь.

– Тц!... – вздохнул, получив заслуженную порцию сарказма.

Сказать ей на это было нечего.

Люда явно ждала, что я уйду. А я разглядывал облупившуюся побелку на потолке и искал повод ещё задержаться.

– Илья, всё? – смотрела выжидающе.

– Нет, не всё, – проговорил упрямо. – Мне нужна твоя помощь. Точнее, совет. Я вообще не знаю, что делать дальше. В понедельник мне на работу. А дети... куда я их дену? Няня нужна. Срочно. Может, у тебя есть знакомые, кто бы мог посидеть? Я заплачу, естественно.

Людмила посмотрела на меня долгим взглядом. Кажется,

она колебалась, стоит ли снова со мной связываться.

– Я не знаю, Илья, – ответила искренне. – Я не могу. Мне тоже в понедельник на службу. Но есть агентства, где подбирают нянь. Могу скинуть тебе контакты. Правда, там, наверное, дорого...

– Дорого – не вопрос, – отмахнулся я. – Лишь бы надёжно и срочно.

В этот момент в комнату впорхнула Мальвина, которая Настя. Сегодня она была в пижамных штанах с единорогами и футболке с какой-то рок-группой.

– Я тут услышала, – заявила она без тени смущения, жуя жвачку и нагловато разглядывала меня. – Вы няню ищете?

– Настя! – осадила её Людмила.

– Что? – пожала та плечами. – Дядя Илья, а сколько вы платить будете?

Я даже растерялся от её напора.

– Ну... я не знаю ещё. Не узнавал расценки.

– Я могу с ними посидеть, – выдала Настя, и я на миг завис. – До сентября, пока занятий нет. У меня же каникулы.

– Ты? – измерил я её оценивающим взглядом.

– А что? – она ничуть не смутилась. – Я умею с детьми. Варьку, сестру младшую, считай, с рождения мама со мной оставляла. А ей сейчас шесть лет. Так что справлюсь.

Я перевёл взгляд на Людмилу. Та задумчиво смотрела на сестру.

– Тебе решать, Илья. У Насти действительно есть опыт.

Но то со своей сестрой сидеть, а другое дело с чужими детьми, – проговорила, одаривая сестру недовольным взглядом.

– Ну и отлично! – я аж просветлел. – Если ей мама ваша доверяла, то почему мне не попробовать? Хотя бы временно, пока я дела буду улаживать. Хочу на работе отпуск оформить. Ну, или дни взять. Как получится. Если дадут, то Насте не придётся с ними целыми днями сидеть. Но мне по-любому придётся бегать по инстанциям – документы оформлять, тесты там всякие... Так что готовься!

Настя кивнула, но тут же спросила:

– А посмотреть можно, что у детей есть для занятий? Книжки, раскраски, игрушки?

Я замялся.

– Ну... понимаешь... У них с собой только кот. И чемодан с одеждой. Из игрушек – я ничего особо не видел. Не до того наверно было, когда их собирали.

– Тогда надо в магазин. В торговый центр. Купить всё необходимое. Карандаши, альбомы, книжки какие-нибудь.

– В магазин? – задумался я. – Я думал, сегодня с ними на Чудо-остров съездить…

– Так, одно другому не мешает! – воскликнула Настя. – Сначала в магазин, потом в парк. Люсь, ты с нами?

Людмила, которая всё это время стояла с каменным лицом, явно не ожидала такого поворота.

– Я?.. – растерянно протянула она. – Я думаю, Илье есть

с кем прогуляться...

Я понял намёк. Карина.

– Нет! – выпалил я быстрее, чем успел подумать. – Совершенно не с кем. Карина… Она заехала и уехала. В общем… я один. И я, собственно, хотел сам позвать вас в парк, но Мальвина меня опередила!

Настя фыркнула, услышав своё новое прозвище.

– Я двумя руками за! – продолжил, глядя на Людмилу. – Дети будут в восторге. Я – тем более. Люд, ну правда, погода отличная! Пойдём с нами? А то я с двумя сорванцами не справлюсь. Особенно в магазине. Там же столько всего... Кого-нибудь потеряю.

Людмила смотрела на меня, и я видел, как в её глазах борются два желания: послать меня подальше и... согласиться.

– Ну... – начала она, и в этом “ну” было столько сомнений, что я затаил дыхание.

– Лю-ю-юсь! – протянула Настя. – Ну пожалуйста! Вместе же веселее! А то я уйду, а ты опять за компом просидишь.

– Я не сижу за компом, – огрызнулась ей сестра. – Я там работаю.

– Ну, какая работа в субботу? – не унималась Мальвина. – Пойдём в парк! Ты мне обещала, помнишь? А мы так и не выбрались.

Я смотрел на эту сцену и понимал, что Мальвина – мой тайный союзник. Она дожимала сестру с ловкостью профессионального переговорщика.

Людмила перевела взгляд с Насти на меня, потом куда-то в сторону...

– Ладно, – вздохнула обречённо. – Тогда собирайтесь живее… Это, Настя, к тебе относится!

– Я тоже постараюсь не задерживаться, – поспешно направился к выходу, моля бога, чтобы дети не успели там без меня апокалипсис в квартире устроить.

Глава 18. Раз по пути…

Вернувшись в квартиру, я сразу прошёл в комнату. К моему счастью, дети всё ещё смотрели мультики. Правда, до сих пор толклись на постельном. Притом с печеньем в руках. Но что поделать. Правила устанавливать было необходимо, но не сегодня.

– Так, архаровцы! – строго сдвинул брови, выключая телевизор. – Кто правильно и по погоде быстро оденется в одежду без дырок и пятен, тот пойдёт со мной в парк развлечений кататься на каруселях!

Дети успели произнести возмущённое “Нуу” на погасший экран, но выслушав меня до конца, распрыгались на диване с криком: “Ура!”

– И да, – я поднял палец, наслаждаясь эффектом, – на всё про всё у вас пятнадцать минут!

Ярик и Василиса переглянулись.

– Пап, а это где стрелки должны быть? – Ярик смотрел на настенные часы.

Я завис. Блин. Они же маленькие ещё. Определять время для них – китайская грамота.

– Ладно, – махнул рукой. – Просто поторопитесь. Переодеваетесь, и ко мне. Проверю…

Недоговорил, потому что в кухне что-то грохнулось и, судя по звуку, разбилось.

– Ах ты ж!.. – я рванул с места, бросив на ходу: – Время пошло! Одеваться, быстро!

В кухне картина маслом: на полу валялись осколки стакана, а на столешнице, поблёскивая наглыми глазищами, сидел кот. Он смотрел на меня с выражением “ну и что ты мне сделаешь?”

– Компот! – процедил я сквозь зубы. – Ты совсем оборзел, да?!

Тот моргнул, настороженно следя за мной своими жёлтыми глазищами.

“Ну, всё! Теперь ты точно схлопочешь по ушам!” – шагнул к нему, хватая с крючка на стене полотенце. Но тот успел среагировать быстрее – сиганул со столешницы пулей и, огибая меня с пробуксовкой, скрылся в прихожей.

– Тц!... – повесил полотенце на место. – Вот засранец! – пробормотал обиженно, озираясь на осколки.

Пришлось брать швабру и подметать. В голове включился калькулятор: “Зоомир, туфли Карины, разбитый стакан... Этот кот решил меня разорить”.

Управившись с уборкой, прислушался к желудку: бутерброды как-то быстро усвоились. Перед выходом из дома стоило ещё что-то закинуть в “топку”.

Достал ветчину, сделал бутерброд, откусил... И тут почувствовал, как что-то мягкое трётся мне о штанину.

Опустил взгляд.

Компот.

Лицемерная скотина!

Он, как ни в чём не бывало, тёрся о мою ногу и преданно заглядывал в глаза.

Ещё и “тракторил” при этом так, словно мы с ним друзья закадычные.

“Звездец!”

Я едва не подавился от его наглости.

В голове мелькнула мстительная мысль: схватить его за шкирку и, пока дети не видят, вышвырнуть на лестницу. Пусть идёт куда хочет. Блохастый диверсант.

Кот, видимо, умел читать мысли.

– Мя-уууу – пропел. Жалобно так.

– Ты ж... – я поджал губы, не находя слов.

Он смотрел на меня глазами кота из “Шрека”. Бедный, несчастный, всеми покинутый.

И голодный.

Компот явно предлагал перемирие.

Ну, что ж!

Наказывать того, кто просит о помощи, было не в моих правилах.

– Вот-вот! А я предупреждал! – проговорил с мстительной усмешкой, нарезая кусок ветчины мелкими ломтиками. – Еду, кроме меня, тут тебе никто не положит в тарелку. Имей это в виду в следующий раз…

– На, морда бесстыжая, ешь, – проворчал, опуская блюдце с едой на пол. – И только попробуй ещё раз в обувь нагадить.

Я из тебя… чучело сделаю!

Компот меня вообще не слушал. Накинулся на еду, будто его вообще не кормили здесь, ни разу.

– Проглот! – пробурчал я, насыпая сухой корм в пустую миску.

В кухню вбежали дети.

– Пап, мы готовы! – воскликнул Ярик.

– Мы готовы! – повторила за ним Василиса.

Я обернулся и... застыл.

Зрелище было, то ещё.

Ярик надел джинсы и тёплую кофту на молнии. Поверх кофты зачем-то жилетку. Это при температуре на улице плюс двадцать пять! Выглядел он как турист, собравшийся в горы, а не в городской парк.

Василиса вообще превзошла все ожидания.

На ней было нарядное платье – пышное, с кучей оборок, бантов и даже с какой-то вуалью, выглядывающей из-под объёмного подола. В таком платье наверно на фотосессии можно было поприсутствовать и не садиться, но никак не бегать по парку и кататься на карусели.

В моём испорченном мозгу травматолога тут же нарисовалась картинка: эта вуаль или оборки попадают в механизм аттракциона и мелкая кричит от боли, падает…

Аж передёрнуло.

– Нет! – проговорил я твёрдо. – Так не пойдёт.

– Почему? – Василиса надула губы.

– Потому что, в этом платье ты или застрянешь в первой же карусели, и нам придётся вызывать спасателей, или запнёшься и убьёшься на ровном месте! – пояснил раздражённо. – Переодевайтесь. Оба! Ярик, на улице жарко. У тебя шорты есть?

Тот кивнул, поправляя очки.

– Так иди и надень их!

– Нуу! Я хацю класиво… – продолжила канючить Василиса.

– Я сказал – переодеваться! – рявкнул, но тут же смягчился. – Вась, там ветер, карусели, мороженое. Ты же испачкаешь это красивое платье. Или порвёшь. Давай, ты его потом в праздник дома наденешь?

Она подумала секунду и кивнула.

– Ну вот и молодец! Я уверен, у тебя найдётся что-то более подходящее для прогулки. То, в чём удобно бегать.

Озадачив в детей, прошёл в спальню. Мне тоже предстояло переодеться.

Открыл шкаф и задумался. В парк шли с Людмилой.

Неделю назад я впервые увидел её невероятно красивой, в элегантном платье…

Правда, вчера и сегодня она была в пижамных штанах и футболке, но мне почему-то хотелось произвести на неё впечатление.

Поэтому привычные джинсы я оставил на полке и облачился во льняные брюки и белую хлопковую рубашку.

Надевал такой прикид нечасто: слишком марко носить светлое. Потом стирать.

“Ты чего это, Жданов? – ухмыльнулся, разглядывая себя в зеркале. – Никак соседку охмурить решил?”

“Нет! Просто в свинячьем обличье она меня видела, – нашёл подходящее оправдание своему выбору. – Теперь надо произвести положительное впечатление. Соседка же”.

Отражение смотрело из зазеркалья скептически.

– Да пошёл ты! – сдвинул зеркальную дверь шкафа в сторону.

Через десять минут дети снова стояли передо мной. На этот раз всё было почти нормально. Ярик поменял джинсы на бриджи, а жилетку и кофту на футболку.

Василиса надела лёгкое голубое платьице в белый горох и босоножки с белыми в прошлой жизни носками.

– Молодцы, – похвалил детей. – Теперь можем идти.

В прихожей началась толкотня. Мы с Яриком обувались, а Василиса маячила мешаясь.

Хотел прикрикнуть, но одёрнул себя, что это обычное состояние ребёнка. Вряд ли кто-то в таком возрасте способен стоять и не двигаться.

Краем глаза заметил Компота. Тот вышел в прихожую и сидел в шаговой доступности, облизываясь после ветчины. Вид у него был довольный и сытый.

– Смотри мне, – погрозил ему пальцем. – Без эксцессов тут.

Кот демонстративно отвернулся.

Мы вышли в коридор.

Дверь соседней квартиры открылась, когда я закрывал свою.

Я замер. Людмила была... невероятно красивая. Бежевое свободного кроя платье ниже колена, мягко облегало её стройную фигуру, волосы, небрежно заколотые на затылке, свисали из-под заколки волнистыми прядями…

Вроде бы ничего особенного. Но смотрелось это... потрясно. Наверно, я откровенно разглядывал её, потому что заметил, проступивший румянец на щеках девушки.

– Тётя Люда! – кинулась к ней Василиса. – А мы в палк! На калусели! Кататься!

– Ух ты! – улыбка осветила лицо Людмилы.

– А мы тоже в парк! – рассмеялась Настя. – Пойдём вместе?

– Да! – завопили дети хором.

– Ну, – проговорил я, нажимая кнопку вызова лифта, – раз нам по пути, то давайте решать, либо вызываем такси с двумя детскими креслами для вас, а я поеду следом на байке. Либо – минивэн, и едем вместе.

– Если сейчас минивэн приедет быстро, то поехали вместе. А обратно посмотрим. Если что, можно ведь и на метро до торгового центра добраться. Ну, и домой потом – тоже.

– Я про метро даже не подумал, – усмехнулся, набирая номер такси “Таксовичкоф”...

Глава 19. Вызов

Минивэн приехал быстро. Я уселся вперёд, рядом с водителем, а Людмила с детьми и Настей разместилась сзади. Всю дорогу я ловил в зеркало заднего вида её отражение и думал о том, как странно всё складывается. Ещё неделю назад я даже не знал, что она существует. А теперь мы едем в парк развлечений с двумя детьми и голубоволосым подростком, как одна большая... семья?

– Пап, а там какие карусели? Их много? А машинки есть? – вырвал меня из размышлений голос Ярика.

– Да, там всё есть, – ответил я. – Скоро сам увидишь. Это самый большой парк развлечений в нашем городе.

– Ура! Ула! – завопили дети хором.

Чудо-остров встретил нас музыкой, оживлением и запахом сахарной ваты. Августовское солнце ещё вовсю припекало. Но небольшой ветерок нёс прохладу. Самое то для прогулки.

– Так, народ, – взял я на себя командование, когда мы вошли на территорию парка. – План такой: сначала аттракционы для детей, потом обед, потом гуляем.

– Пока вы мелких развлекаете, я, пожалуй, на роликах покатаюсь, – неожиданно проговорила Настя, проследив за проезжающими мимо подростками. – Здесь, вижу, есть где разогнаться… И прокат, вон, работает! Люд, пойдём, возь-

мём мне ролики? А то я паспорт не брала с собой.

– А ты умеешь? – с сомнением посмотрела на неё сестра.

– Пф!... – фыркнула Настя. – Конечно, умею. Я на Ольгиных, подружки моей, училась. С ребятами на площади ещё прошлым летом гоняли.

– Сколько я о тебе ещё не знаю, – пробормотала Людмила, направляясь с ней к будке проката.

– Настя, смотри, дорожки здесь вдоль пруда. Не заблудишься. Давай, через час встретимся здесь же. Ок? – крикнул вдогонку.

– Да! – ответила обернувшись.

Пока Мальвина переобувалась в ролики, я заказал детворе сладкую вату. Мы стояли у будки с мороженым, дети с упоением облизывали липкие сладкие облака, а я ждал Людмилу и краем глаза наблюдал за ней.

Она убрала паспорт в сумочку, что-то сказала Насте, махнула ей рукой и направилась обратно к нам по дорожке…

Ветер играл с подолом её бежевого платья, заставляя ткань мягко обтекать стройные ноги, открывая их в разрезах то с одной, то с другой стороны. Платье было свободным, лёгким, оно словно жило своей жизнью – дышало, двигалось, обнимало её. Волосы, небрежно заколотые на затылке, выбивались из-под заколки волнистыми прядями, и ветер трепал их, бросая на лицо, на плечи, на ключицы. Она шла и улыбаясь своим мыслям.

Солнце подсвечивало её силуэт сзади, и казалось, что она

светится изнутри. Лёгкая. Утончённая. Такая... невероятная!

У меня перехватило дыхание.

Я поймал себя на том, что стою с открытым ртом, как мальчишка, и смотрю на неё, забыв про детей, про сладкую вату, про всё на свете. В голове билась одна мысль: “Как? Как такая девушка жила в соседней квартире, а я встретил её только сейчас? Где она была всё это время?”

Она подошла ближе, и я поспешно отвернулся, сделав вид, что очень занят наблюдением за тем, как Василиса вытирает липкие руки о подол платья.

– Всё в порядке? – спросила Люда, останавливаясь рядом.

Её голос прозвучал совсем близко. Я почувствовал фруктовый запах с заманчивыми нотками свежести и каких-то пряностей – тот самый, что сводил меня с ума, когда подходил к ней близко.

– Да, – ответил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – В полном. Настя уже укатила?

– Укатила, – усмехнулась она. – Сказала, через час вернётся, но я ей не очень верю. Подростки же.

– Подростки, – эхом повторил я, глядя на неё и понимая, что пропадаю. Пропадаю окончательно и бесповоротно.

У Люды нашлись в сумочке влажные салфетки.

Невероятно! Она что, могла дома предугадать, что придётся оттирать Василисе и Ярику руки после сладкой ваты? Или она их всегда носила с собой?

Мне, вот, даже в голову не пришло взять их.

Наконец, добрались до аттракционов.

Сначала были лошадки-качалки. Потом цепочная карусель, где я устал махать сияющей Василисе, и у меня от неё закружилась голова. Потом Ярик углядел батутный центр и завис там на полчаса, прыгая как ненормальный. Василиса, впрочем, ничуть не уступала брату. Мы стояли с Людой бок обок. И мне совсем не было скучно так стоять и просто молчать. Необычное чувство.

Попробовал представить на её месте Карину и не смог. Если бы мы даже оказались в этой точке “здесь “ и “сейчас”, она бы уже вынесла мне мозг своей болтовнёй о тряпках, или сплетнями о подпольных романах в нашей больнице.

– Устал? – спросила Люда, наблюдая за Яриком.

– Есть немного, – признался я. – Не думал, что дети, такие энергозатратные.

– Это ты ещё с ними уроки не делал, – усмехнулась она. – И не лечил, когда болеют.

Я посмотрел на неё с уважением.

– Ты в этом разбираешься.

– Я старшая в семье, – пожала она плечами. – Младшие два брата погодки. Я их на семь и восемь лет старше. И Настя… Мне было двенадцать, когда она родилась. Жизнь всему научила. Варьку, правда, уже не нянчила. Уехала. Её Настя растила.

– А… мать? Отец? Они-то, где были? – не понял я.

– Мама работала. Я нянчилась. А отец… Он военный. Он мало дома бывал. То учения какие-то у него, то ещё что. В общем, он только строил нас. В быту не участвовал. С детьми не сидел.

– Ты удивительная, – вырвалось у меня раньше, чем я успел подумать.

Она подняла на меня глаза, и в них мелькнуло что-то... настороженное?

– Это комплимент или констатация факта? – спросила с лёгкой усмешкой.

– Факт, – твёрдо сказал я. – Чистая констатация.

Она отвела взгляд, но щёки её слегка порозовели. Или мне показалось?

После батутов Ярик выклянчил машинки. Люда села с Василисой. Я пихаться к Ярику не стал. Видел, как ему самому хочется погонять. Поэтому просто ждал.

Вернулись все довольные, с широкими улыбками, обсуждая столкновения и виражи.

Пошли к пруду.

Василиса ухватила Людмилу за руку и не отходила от неё, задавая вопросы и перепрыгивая с ножки на ножку.

– Посторонись! – лихо обогнала нас Настя и далее, на гладкой дорожке, начала перед нами выписывать пируэты. Василиса смотрела на неё с восхищением.

– Хоцю так зэ! – заявила она.

– Подрастёшь – научишься, – усмехнулся я.

Возле пруда обнаружился тир с луками. Я с детства неплохо стрелял, ещё в лагере научился.

– О, – сказал я, – а это мой аттракцион.

Людмила скептически посмотрела на меня.

– Умеешь?

– Смотри и учись, – подмигнул ей, чувствуя азарт.

Купил пять стрел. Прицелился. Первая недалеко от центра. Вторая – почти. Третья – в десятку! Четвёртая – снова в десятку. Пятая – прямо в яблочко.

– Ула! – восхитилась Василиса. – Нас папа молодец!

“Папа?” – мы с Людмилой переглянулись. Мелкая, видимо, начала повторять за братом.

– Поздравляю! Вы выиграли приз! – улыбнулась мне девушка-администратор.

– Ух ты! И на что я могу рассчитывать?

Она указала на полку с мягкими игрушками. Присмотрелся и... охренел. Вся полка была заставлена котами. Рыжий, чёрный, коричневый… толстые, с наглой мордой и выпученными глазами.

– Вы серьёзно? – нервно хохотнул я.

– А что не так? Кот – самый популярный приз в этом сезоне. Всем нравятся…

– Всем нравятся, потому что дома у них нет Компота, – пробурчал, проталкивая вперёд Василису.

– Выбирай. Какой на тебя смотрит?

Девушка подавала Василисе игрушки, а сама косилась на

меня. Видимо, разгадывала загадку, какое отношение к её призам имеет компот.

Вася выбрала похожего на подушку кота и с восхищением прижалась к мягкой бочине щекой. Она смотрела на Людмилу. А та давилась смехом. Значит, оценила мою шутку.

– Что я такого сделал, чтобы надо мной так издевались? – спросил я у неба, продолжая каламбур. – Вроде бы чёрному коту дорогу не переходил в этом месяце, – вздохнул картинно. – Честно. Я даже Компота почти простил. Хотя за туфли мне счёт прилетит. Ре ему.

– А что с туфлями? – поинтересовалась она, всё ещё улыбаясь.

– Он моей гостье в лодочку прямо сходил сегодня – развёл я руками. – Она сильно осерчала.

– Пф! – прыснула Люда, сотрясаясь от смеха. – И?

– Уже неважно, – вздохнул я, жалея, что упомянул Карину. – Но почему даже приз – кот?!

– Это знак, – проговорила Настя, подъехав к нам на роликах. – Классный котик! Василиса, тебе нравится?

– Да! – прижала та плюшевую игрушку с новой силой. – Его Кесэй буду звать. Как тёти Людиного попугая.

– Теперь у нас два Кеши, – философски заметил Ярик.

– Теперь у нас вообще чёрт знает что, – буркнул я.

Мы гуляли дальше. Настя периодически уезжала вперёд и возвращалась, дети ели мороженое, я чувствовал себя почти счастливым. Людмила шла рядом, иногда касаясь пле-

чом моего плеча, и от этих касаний внутри разливалось что-то тёплое.

К концу прогулки мы вышли к зоне экстремальных аттракционов. Ещё издали я заприметил гигантскую конструкцию, похожую на стрелу, уходящую в небо. На высоте метров пятидесяти болтались вниз головой люди, которых аттракцион с бешеной скоростью то обрушивал вниз, то тащил вверх. Зрелище было... устрашающим.

– Ой! Это же “Бустер”, – Настя сдала ролики и догнала нас. – Мне знакомые девчонки рассказывали, что катались на нём. Обалдеть! – она задрала голову. – Жаль, что я высоты боюсь.

Я сглотнул. Высоты и я, если честно, боялся. Не панически, но комфорта не испытывал.

– А ты боишься? – словно прочитала мои мысли Мальвина.

– Ну... – замялся я. – Не то чтобы боюсь, но...

– А ты, Люсь? – Настя перевела взгляд на сестру.

Людмила поджала губы.

– Я высоту не люблю.

– О! – Настя обрадовалась. – Так вы оба трусите?

– Мы не трусим, – возмутился я. – Просто предпочитаем твёрдую землю под ногами.

– А давайте прокатитесь! – вдруг предложила Настя с хитрой улыбкой. – Вместе! Докажете, что не трусы.

Я замер. Людмила замерла рядом.

– Настя, – начала она, – ты вообще...

– На кого я детей оставлю? – перебил я, ухватившись за спасительную мысль.

– На меня! – мгновенно отреагировала Настя. – Мы с ребятами будем за вас болеть. – Она подмигнула Василисе. – Правда, Вась?

– Да! – важно заявила мелкая, прижимая к себе кота. – Мы побудем с Настей. Идите, катайтесь.

“Катайтесь, блин!” – фыркнул я про себя.

– Я тоже согласен, – кивнул Ярик.

Они что, сговорились?

Я посмотрел на Людмилу. Она – на Настю с возмущением.

– Настя, а я-то тебе что сделала? – спросила она.

– Люсь, но ты же хотела с парашютом прыгнуть? – беззаботно ответила та. – Помнишь, рассказывала? Вот и потренируйся. Вдруг желание пропадёт?

– Где прыжок с парашютом, и где эта забава? – Людмила сложила руки под грудью, отгораживаясь от приставучей сестры.

– Люсь, так тебе страшно? – Настя аж подпрыгнула от радости. – Вот видишь? Ты ничем не круче меня.

– А я что, крутизной с тобой меряюсь?! – возмутилась Люда, задирая голову на болтающихся в поднебесье визжащих человечков.

Я мысленно выдохнул: если она отказывается, то и мне не придётся героя из себя корчить.

– Ладно, уговорила! – неожиданно воскликнула она. – Пойдём, Илья, выплеснем порцию адреналина? – Людмила повернулась ко мне. В её янтарных глазах читался вызов.

Я остолбенело смотрел на её улыбку, спрятанную в уголках губ.

“Аннушка уже не только купила подсолнечное масло, но даже и разлила… ” – подумал обречённо.

Глава 20. Пятьдесят метров над землёй

Мы стояли в очереди к “Бустеру”, и я чувствовал, как сердце постепенно сползало в район желудка. Конструкция нависала над парком, как гигантский металлический паук. Снизу было отлично слышно, как визжат те, кто уже катался. Визжали, надо сказать, душераздирающе.

– Тоже боишься? – тихо спросила Людмила.

– Нет, – соврал я, глядя, как очередная партия смельчаков уходит в крутое пике. – Просто... оцениваю риски.

Она хмыкнула.

– Врёшь.

– Откуда знаешь?

– У тебя кадык дёргается, когда нервничаешь.

Я непроизвольно коснулся шеи. Чёрт. Она замечает такие детали?

– Ты на мне что, диссертацию пишешь? – попытался отшутиться я.

– Нет, просто наблюдаю, – она улыбнулась, и от этой улыбки у меня внутри что-то ёкнуло. – Ты, Илья, очень... читаемый.

– Это плохо?

– Для кого как, – она отвела взгляд. – Для меня, наверное,

хорошо. Я не люблю сюрпризы.

Подошла наша очередь. Нас усадили в кресла рядом. Инструктор проверил ремни, опустил дуги безопасности. Я чувствовал плечом плечо Людмилы. Тёплое. Живое. От неё снова пахло яблоками и пряностями, и этот запах почему-то успокаивал.

– Не смотри вниз, – посоветовал я.

– Это ты себе скажи, – огрызнулась она, но я заметил, как побелели её пальцы, вцепившиеся в поручни.

Аттракцион дёрнулся и начал подниматься. Медленно. Неумолимо. Земля уходила вниз, люди становились размером с муравьёв. Ветер усиливался, трепал волосы Людмилы, и одна прядь хлестнула меня по лицу.

– Ох, – выдохнула она, глянув вниз.

– Смотри вверх! Вон, солнце стало ближе к нам на целых пятьдесят метров, – мотнул я головой в небо, и Люда посмотрела сначала на меня, затем в небо и вдаль перед собой.

– Красотища какая! – в голосе её прозвучал восторг.

Я даже позавидовал.

Как ей так быстро удалось справиться со страхом?

Мы поднялись на самый верх. На секунду аттракцион замер, переворачивая нас вниз головой. Мир перевернулся. Внизу – небо. Вверху – земля. И где-то там, в этой далёкой земле, дети и Настя махали нам руками. Такие маленькие. Такие далёкие.

– Боже... – снова выдохнула Людмила.

– Всё хорошо. Я здесь, – я, не раздумывая, накрыл своей ладонью её руку, вцепившуюся в поручень.

Она не отдёрнула.

А потом мы полетели вниз, и я забыл, что должен быть, а не казаться.

Я орал. Она, кажется, тоже. Или это ветер свистел в ушах. Адреналин зашкаливал, сердце колотилось где-то в горле, но руку я не убирал. И она – тоже.

Аттракцион взмыл вверх, снова упал, ещё раз... и, наконец, замер.

Мы висели вниз головой, тяжело дыша.

– Жива? – спросил я.

– Не уверена, – выдохнула она. – Кажется, я оставила свой желудок где-то по пути.

Я рассмеялся. Она тоже. Мы висели вниз головами и хохотали, как ненормальные. И это было... круто! Наверное, впервые за долгое время я чувствовал себя по-настоящему живым и счастливым.

Когда нас опустили на землю, ноги подкашивались. Людмила покачнулась, и я подхватил её за талию.

– Осторожно.

– Спасибо, – она подняла на меня глаза. Близко-близко. Янтарные, с золотыми крапинками. И в них – ни грамма страха. Только возбуждение, радость и... что-то ещё. Что-то, отчего кровь в моих жилах начала двигаться с бешеной скоростью.

– Ну как вы? – Настя и дети подлетели к нам.

– Круто! – выдохнул я, не сразу отпуская Людмилу. Или она меня? Я уже не понимал.

– А чего это вы держитесь? – ехидно поинтересовалась Мальвина. – Испугались, да?

– Настя! – одёрнула её Людмила, высвобождаясь из моих рук. Но щёки её горели. Или это от ветра? – Страх когда на инстинктах – неуправляем.

– Пап, а ты молодец! – одобрительно кивнул мне Ярик.

– Пап и тётя Люда, оба молодцы! – поправила его Василиса, с восхищением глядя на нас снизу вверх.

– Папа не струсил! – с гордостью добавил Ярик. – Мы вам махали. Ты видел?

– Конечно, видел. Но махать в ответ нечем было, – усмехнулся я. – И вообще. С чего бы это я трусил? Папы не боятся.

– Ага, – усмехнулась Настя. – Слышали мы, как вы орали!

– Настя! – теперь уже я повысил голос, но беззлобно. – Тебе показалось. Это кричали наши соседи за спиной.

– Ладно-ладно, молчу, – она подняла руки. – Пойдёмте мороженое есть? Я видела киоск.

– Мороженое! – заорали дети. – Моложеное!

– Мороженое от нас никуда не денется. А вот обед запросто пропустим, – проговорил я строго, посмотрев на часы. – Давайте-ка сперва в кафе зайдём и плотненько заправимся? А то у меня желудок пустой после “Бустера”.

– Я тоже считаю, что всем пора пообедать, – поддержала

меня Люда.

Я поймал её тёплый, задумчивый взгляд, и она сразу отвернулась. Взяла Ярика и Василису за руки и, переговариваясь с ними, пошла к кафе. Мы с Настей топали следом.

– Илья, а у тебя байк? – спросила она.

– Да.

– А… Дашь прокатиться? – хитро прищурилась.

Я ошарашенно смерил её взглядом.

– Дам. Года через три. Когда восемнадцать исполнится, и на права сдашь.

– Нуу… Через три года не факт, что мы будем жить по соседству, – заявила вдруг.

– Переезжать собираетесь? – напрягся я.

– Так, квартира-то бабулина. Да и… Кто знает. Может, Люська замуж выйдет, переедет…

– А что, Людмила замуж собирается? – остановился как вкопанный я.

– Пока нет. Но кто знает. Поклонников у неё хватает, – ответила мне беспечно Мальвина и, пританцовывая под музыку, прибавила шаг, догоняя сестру.

Слайдами замелькали воспоминания: Людмила в вечернем платье… вышла из иномарки. Я тогда был пьян и не запомнил, кто её привёз.

“А вдруг и правда хахаль у неё?” – накрыло беспокойством.

И я вдруг осознал, что готов порвать любого, кто прибли-

зится к ней.

Глава 21. Потрясающая женщина

За окном стемнело. Августовский вечер укутал город мягкой темнотой, и где-то там, за стеклом, мерцали далёкие, чужие огни вечернего города. А здесь, на моей кухне, было тепло и уютно. Горел верхний свет. Компот наелся и блаженно дрых на облюбованном им подоконнике.

На столе кружки с дымящимся чаем, и напротив меня – Людмила.

Детей мы уложили, и Настя вызвалась почитать им перед сном – сказала, что раз ей с понедельника с ними нянчиться, то пусть привыкают, что её надо слушаться. И теперь из комнаты доносился её приглушённый голос и редкие детские возгласы. Кажется, процесс шёл, правда, способствовал ли он засыпанию, пока было непонятно.

Людмила после аттракционов и хождения по магазинам выглядела немного уставшей. Она успела сходить к себе, переоделась в домашнее и пришла помогать мне с ужином. Следом за ней подтянулась и Настя, поэтому ужинали все вместе. На моей кухне было непривычно тесно и весело. Недостающие стулья пришлось собирать по всей квартире.

Но сейчас мы остались в тишине вдвоём.

Люда снова была в тех же домашних штанах в цветочек и футболке с желтоглазой кошкой, в которых я застал её утром. Волосы она собрала на затылке заколкой, но прядь

выбилась и свисала свободно. Люда то и дело заправляла её за ухо, но та снова соскальзывала. И это её мягкое движение руки завораживало. Да и не только оно. Я ненароком разглядывал девушку. Никакой косметики, никакой "штукатурки" на чистой, сияющей свежестью нежной коже. Лишь лёгкий румянец на щеках и эти невероятные янтарные глаза в обрамлении тёмных, густых ресниц. Её естественная красота притягивала взгляд, манила. Хотелось разглядывать её, как картину.

Люда вскинула на меня вопрошающий взгляд и замерла, не донеся чашку до рта.

– Ты чего? – спросила, и я поспешно отвернулся.

– Ничего, – буркнул в ответ. – Просто... задумался.

– О чём?

– О дне, – отхлебнул чай. – Странный день. С утра думал, что мой мир рухнул. А сейчас смотрю на тебя и думаю – вроде бы всё не так плохо, как мне привиделось.

– Действительно, странный, – усмехнулась она. – Если честно, у меня были совсем другие планы на сегодня. Меня ожидала уборка, готовка и всякая обычная рутина. А в итоге...

– А в итоге сосед нарушил все планы, – хмыкнул я.

– Вряд ли бы я пошла с соседом-алкоголиком в парк гулять, если бы не несчастные дети, – пряча улыбку, парировала она.

– Я не алкоголик! – возмутился я.

– А кто вчера коньяк пил один, без компании? – выгнула она насмешливо бровь.

– С чего ты взяла? – поперхнулся я чаем.

– Я утром пришла и застала здесь последствия твоего порочного гульбища. Грязную посуду и пустую бутылку под раковиной.

– Тц... – откинулся я на спинку стула, вздыхая: очередной раз упал в её глазах... – Это не пьянство было, а снятие стресса, между прочим. Чтобы ты делала, если бы узнала в один день, что у тебя есть сын? Притом не только узнала, а тебе бы его подкинули, в комплекте с его сестричкой и котом-вражиной?

– Со мной такое априори не могло приключиться, – Людмила рассмеялась легко, заливисто.

Ей бы почаще смеяться.

– А вообще, день был классный, – сказал я, возвращаясь к теме. – Ярик на батутах скакал, как впервые. Я думал, он до неба допрыгнет.

– Да. И Василиса, – подхватила Люда. – Она так хохотала, когда на карусели кружилась... Вся такая солнечная. Махала нам. Потом пришла и чувствовала себя космонавтом, вернувшимся на Землю. Мне так хотелось её потискать.

Я посмотрел на неё внимательнее. В её голосе звучала смесь теплоты и грусти.

– Да, я заметил, она тянется к тебе, – кивнул ей с улыбкой. – Если бы не знал, чья она дочь, со стороны бы подумал –

твоя.

– К сожалению, не моя, – вздохнула Люда, глядя куда-то в сторону. – Слушай, Илья, я вот всё думаю… Василиса тебе неродная. А что с ней будет, если... ну, если ты докажешь отцовство Ярика?

Я вздохнул. Этот вопрос меня самого мучил.

– Не знаю, – честно признался я. – В идеале – чтобы её удочерили. Попала бы в хорошую семью...

– А если не попадёт?

Я молчал. Потому что ответ был слишком страшным, чтобы произносить вслух.

– Жалко её, – тихо сказала Люда. – Она такая, забавная. И они с Яриком друг к другу так привязаны... Разлучать их – преступление.

– Ты права, – я отставил кружку. – Но что я могу? Я один, не женат, у меня работа сменная. Мне даже Ярика, наверное, с боем отдадут, если вообще отдадут. А Ваську – вообще шансов нет.

Я не стал ей говорить, что Карина пообещала выйти за меня. Что-то мне подсказывало, что после выходки Компота утром оптимизм Карины поубавился. Да и к детям она никаких чувств не испытывала. Я сначала повёлся, подумал, что она искренне хочет быть со мной и детьми, но когда она поспешно сбежала, я уже иллюзий на её счёт не строил. Да и после общения с Людой, я на отношения с Кариной стал смотреть по-другому.

Что нас с ней связывало?

Регулярный секс и привычка, не больше.

Возникли у меня трудности, и что?

Сдуру предложил ей выйти за меня. Она тут же согласилась. А после сбежала, даже не попытавшись познакомиться с детьми. Ну какая из неё мать?

Да и жена мне такая, зачем?

Секс, конечно, важное место занимал в моей жизни, но с появлением в ней подкидышей, понял, что этого недостаточно для построения семьи.

Вот, Людмила – она, по сути, посторонний мне человек. И я ей не особо симпатичен был вчера, когда позвонил к ней. Но она не захлопнула дверь. Выслушала. Помогла. И сегодня отложила собственные дела и была рядом. Потому что ей не всё равно, что будет с детьми.

– Я понимаю, – помолчав, проговорила Люда, поднимая взгляд. – Сама бы взяла её, но... мне тоже её не дадут. Я же тоже не замужем. И работа у меня... – она запнулась. – Работа сложная, ненормированная. Это у меня случайно выпали выходные на субботу и воскресенье. Плюс напарник из отпуска вернулся. Дали отдохнуть. А то запросто бы вызвали на работу. Поэтому… – уныло развела руками. – Ума не приложу, что делать.

В её голосе прозвучала такая искренняя боль, что у меня сердце сжалось.

– Люд, ты чего? – я накрыл её руку своей. – Василиса – моя

проблема. Мне и решать. А ты… Ты своих родишь. Зачем тебе?

Она посмотрела на мою руку, потом на меня. В её глазах блеснуло что-то влажное.

– Так, если бы мне позволили удочерить Василису, она и была бы моей.

– Ты не поняла. Я имел в виду, что когда родишь своих, ты будешь любить их по-другому.

– Ой, перестань, – отмахнулась она. – Василиску невозможно не любить.

– А Ярика? – почему-то обиделся я за сына.

– Ярик вообще отдельная тема, – улыбнулась. – Он такой мужественный мальчик! Маленький, а словно взрослый уже. Такой милый! О сестрёнке заботится, словно головой отвечает за неё. Маленький рыцарь! – глаза Люды лучились от нежности, когда говорила о нём. – Классный пацан!

“Это пиздец какой-то, а не женщина!” – я схватил кружку и пошёл к раковине, чтобы справиться с волнением. Аж слеза навернулась. Это надо? О совсем чужом ребёнке она говорила так, словно своим гордилась.

Справился с эмоцией и начал вспоминать, о чём весь вечер хотел спросить её, но в этот момент в прихожей раздался резкий, настойчивый звонок в дверь.

Обернулся. Мы с Людой переглянулись.

– Кого это принесло в такое время? – нахмурился я, глянув на часы. Половина одиннадцатого.

Она пожала плечами, но в глазах мелькнула тревога.

Я направился в прихожую, чувствуя, как внутри закипает раздражение. Только начали говорить с ней нормально. Вроде открылась. Хотел расспросить о работе, и на тебе!

Кого-то принесла нелёгкая.

Не хотелось даже называть по имени эту “кого”, в надежде, что пронесёт.

Глава 22. Сюрприз за дверью

Я распахнул дверь и застыл.

На пороге стояли двое. В форме. Молодые, подтянутые, с серьёзными лицами. У одного, того, что повыше, на поясе висела рация, которая что-то тихо шипела.

У меня внутри всё оборвалось.

“Всё. Доигрался. Пришли за детьми”.

В голове лихорадочно заметалось: кто заявил? Светлана одумалась? Соседи настучали? Или Карина сгоряча? Сердце ухнуло куда-то вниз, в район желудка, и там неприятно заныло.

– Здрасьте, – выдавил я хрипло, стараясь выглядеть спокойным. – Вам кого?

Полицейские переглянулись. Тот, что повыше, вежливо улыбнулся.

– Здравствуйте. Извините за беспокойство в такое время. Вы, случайно, не в курсе, где ваша соседка, Чумихина Людмила Владимировна?

Я моргнул.

– Кто?

– Соседка ваша, – повторил второй, пониже, но покрепче. – Из сто шестьдесят седьмой квартиры.

– А... она вам зачем? – нахмурился я, всё ещё не веря, что дело не во мне.

– Срочный вызов, – пояснил высокий. – Начальство разыскивает, а у неё телефон, вон, звонит за дверью, а самóй нет. Подумали, может, вы её видели.

Я обернулся. Из кухни уже выходила Людмила, услышав голоса.

Увидев полицейских, она сначала удивилась, а потом на её лице расцвела улыбка. Такая... родная, что ли. Беззаботная.

– Кормухин? – воскликнула она, подходя ближе. – Ты чего здесь? А, Петров, и ты тут! Что за нашествие? В кои-то веки у меня два дня выходных, и я опять должна видеть твою физиономию?

Высокий, которого она назвала Кормухиным, виновато развёл руками.

– Людмила… – стрельнул на меня взглядом и добавил, – Владимировна, так, не по своей же воле. Начальство рвёт и мечет. Дело срочное, сама понимаешь.

– Какое дело? – Люда нахмурилась, но в глазах плясали смешинки. – Я же отдыхаю. Официально! Имею право.

– Краснослободцев так не считает. Сказал, срочно найти и доставить. Вот, мы и приехали, – встрял Петров. – Звоним в дверь – звонок слышно, а никто не открывает. Думали, может, случилось что. Решили соседей опросить.

– Опросить! – фыркнула Люда. – Дознаватели, мать вашу!

Я стоял как вкопанный и переваривал то, что слышал.

Полицейские. Она что, полицейский? Людмила, которая кормит детей, носит смешные штаны в цветочек и пахнет

фруктами и пряностями, – работает в полиции?

– Люд... ты что, – я сглотнул, – ты в полиции работаешь?

Она обернулась ко мне, и в её глазах мелькнула тень смущения.

– Да. Прости… как-то не к слову было, а потом не до того, – замялась она. – Ну, давай. Мне идти надо, – в дверях остановилась, – запиши Настин номер на всякий случай. Мало ли надо будет срочно уйти…

Я достал из кармана телефон, вбил в память номер Мальвины и, пользуясь случаем, попросил “на всякий случай” и её контакт.

На щеках Люды проступил румянец, но она ровным голосом продиктовала свой номер, а потом, заметив ехидный взгляд Кормухина, добавила:

– Для экстренных случаев.

Из комнаты вышла Настя, зевающая и взлохмаченная.

– Детвора дрыхнет... – начала она и замерла, увидев мужиков в форме. – Офигеть. А вы чего здесь?

– Меня искали и нашли, – хмыкнула Людмила. – Настя, пойдём. Уже поздно.

– Куда? – тупила Мальвина.

– Домой. Мне на вызов.

Настя вздохнула, но спорить не стала. Подхватила свою кофту и направилась к выходу.

“Конвой” из полицейских посторонился, пропуская её.

– Илья, я завтра зайду, – проговорила Людмила, смущён-

но кусая губу. – Если что – звони.

– Ладно, – продолжал я стоять в дверях, наблюдая, войдут мужики за ней в квартиру, или нет.

Но те сказали, что будут ждать её внизу, в машине, потопали по лестнице вниз.

Я немного выдохнул.

– А ты... – проговорил я торопливо, пока Люда отпирала свою дверь. – Когда вернёшься?

– Не знаю, Илья. Пока.

Дверь за ней закрылась.

Я вернулся в квартиру. В прихожей стало так тихо, что зазвенело в ушах.

Прошёл в кухню. Мысли путались.

Полицейская.

Она опер?

Понятно, почему она меня так ловко скрутила тогда пьяного у лифта.

Коллеги – мужики, с ней на “ты”. Называют по имени-отчеству, но как-то по-свойски. Кормухин этот, молодой, высокий, здоровый... Не он ли поклонник?

И сколько их там ещё? В полиции же мужской коллектив. А она наверняка такая... – одна.

В груди зашевелилось что-то неприятное.

Ревность?

С чего бы? Мы знакомы всего ничего. Но когда она улыбнулась этому Кормухину, мне почему-то захотелось встать

между ними.

Побрёл к холодильнику, размышляя о Люде.

Вдруг споткнулся.

– Мя-а-а! – взорвал тишину истеричный вопль.

Словно током прошибло.

– Тьфу, зараза! – схватился за сердце я.

Компот пулей вылетел из-под ног и сиганул в прихожую, сверкнув на прощание жёлтыми глазищами.

– А нечего под ногами путаться! – крикнул ему вслед, но без злости. Скорее, по привычке.

На столе завибрировал телефон. Подошёл, глянул на экран. Карина.

Стоял и смотрел, как высвечивается её имя. Рингтон “Сумасшедший тип” резал слух.

В голове пронеслось утро. Её визит. Скандал. Как сбежала, даже не попрощавшись нормально. Говорить с ней сейчас совсем не хотелось.

Но трубку взял, боясь промедлением разбудить детей.

– Слушаю.

– Илья, – голос Карины звучал как-то странно. Не истерично, не зло. Скорее... растерянно. – Ты где?

– Дома, – ответил я коротко. – А ты?

– Я... мне нужно с тобой поговорить.

Я молчал, глядя на кружку, из которой собирался пить чай. В одиночестве.

– Говори, – проговорил в трубку.

А сердце отчего-то забилось часто, чуя неладное.

Глава 23. Звонок в ночи

Я стоял посреди кухни с телефоном в руке и смотрел в окно на беспокойные вечерние огни города. И не мог не думать о Людмиле, которой предстояло не в постель тёплую ложиться после насыщенного событиями дня, а ехать на работу. Охранять граждан от мошенников и бандитов.

Невольно поёжился, представив её, хрупкую, нежную в том жёстком мире суровых и опасных мужчин.

“Как её в такую профессию занесло? Ума не приложу”, – вздохнул.

В голове было пусто и одновременно тесно от мыслей, которые никак не хотели складываться в порядок.

– Илья? Ты здесь? – голос Карины вырвал меня из ступора.

– Да, – ответил я хрипло. – Здесь. Говори.

Пауза. Такая длинная, что я уже хотел проверить, не сбросила ли она вызов.

– Я... – начала она и снова замолчала. Потом выдохнула, будто ныряла в холодную воду. – Я была неправа сегодня утром. Я должна была остаться с тобой. Прости.

Я молчал. Потому что не знал, что на это отвечать. Обычно Карина не извинялась. Никогда.

– Ты чего? – спросил настороженно.

– Я дура, – проговорила она, и в голосе послышались слё-

зы. – Понимаю. Тебе нужна была помощь, а я повела себя как эгоистка. Илья! Я просто испугалась… Дети, ответственность... Трудно ведь быть готовой к такому повороту.

Я слушал и чувствовал, как внутри поднимается глухое раздражение.

– Карин, – перебил её. – Ты чего звонишь? Просто извиниться?

– Нет, – всхлипнула она. – То есть да. Вернее, мне нужно поговорить с тобой. Сейчас.

Я посмотрел на часы. Половина двенадцатого. Дети уложены спать. В квартире тихо. Компот только вернулся в кухню и теперь на стуле вылизывался после унизительного столкновения с моей ногой. Я собирался лечь и успеть выспаться до того, как меня разбудят утром. Карина, с её истеричными разборками, совсем не вписывалась в мои планы.

– Поздно уже, – буркнул я. – Дети спят.

– Я тихо, – настаивала она. – Илья, пожалуйста! Я не смогу уснуть. Мне очень нужно увидеть тебя. Прямо сейчас.

Я колебался. Что-то в её голосе настораживало.

– Карина, уже поздно. Зачем на ночь глядя ехать? Говори по телефону.

– Нет! – воскликнула она. – Это важно! Я… не могу по телефону.

“Тц!... – закатил я уныло глаза. Отвязаться от неё не получалось. – Час от часу не легче”.

– Что ты не можешь?

– Приеду – скажу, – продолжала говорить загадками она. – Обещаю, это не займёт много времени. Илья, ну, пожалуйста, – проговорила умоляюще.

– Ладно, – выдохнул обречённо. – Приезжай. Но смотри, начнёшь шуметь – выгоню.

– Хорошо. Скоро буду.

Она сбросила вызов, не дав мне сказать больше ни слова.

Положил телефон на стол и посмотрел в окно. Где-то там в ночи Людмила мчалась на работу, решать чьи-то проблемы. А Карина – ко мне, с чем-то важным. И я всем нутром чувствовал, что это её важное – очередная мне головная боль.

Компот, закончив вылизываться, запрыгнул обратно на подоконник и уставился на меня своими жёлтыми глазищами. В его взгляде читалось: “Ну что, допрыгался?”

– Иди ты, – буркнул я. – Без тебя тошно.

Кот отвернулся и демонстративно уставился в окно.

Я пошёл проверить детей. Они спали, раскинувшись на диване. Ярик обнимал подушку, Василиса прижимала к себе плюшевого кота, выигранного сегодня в парке. Тихие, беззащитные и уже будто свои.

Я вдруг почувствовал, что в моей квартире без их топота, криков и бесконечных “пап, а можно?” стало бы пусто и уныло.

В прихожей пропиликал домофон.

Я вздохнул и пошёл открывать.

Глава 24. Ультиматум

Я нажал кнопку домофона, не спрашивая, кто – Карина, кого ещё могло принести в такое время.

Через минуту она уже стояла на пороге. Без косметики, в простых джинсах и свитере, с заплаканными глазами. Непривычно. Обычно Карина даже мусор выносила при полном параде.

– Проходи, – посторонился я. – Только тихо. Дети спят.

Она кивнула и прошмыгнула в прихожую, оглядываясь так, будто в первый раз здесь была. Сняла туфли. Мокасины, не лодочки. На языке крутилось спросить про помеченные Компотом туфли, но не стал. Я был уверен, что выбросила в мусорку.

На кухне она села на тот же стул, где недавно сидела Людмила. Включил чайник и, облокотившись на подоконник, замер в ожидании.

Карина взяла подвернувшуюся под руку бумажную салфетку, комкала её и молчала.

– Ну? – подбодрил её, пытаясь понять, искреннее у неё волнение, или игра на публику?

Щелчок закипевшего чайника прозвучал, как выстрел.

Я разложил пакетики по чашкам, залил кипятком, теряясь в догадках.

Пауза затянулась.

Поставил чашку перед ней. Достал шоколадку, печенье, положил на стол.

Карина подняла на меня глаза – в них стояли слёзы. Настоящие? Я уже перестал понимать, где правда, а где игра.

– Илья, – начала она дрогнувшим голосом. – Я сегодня утром сбежала не потому, что мне ногти были важнее тебя. И даже не потому, что боюсь детей. Я испугалась! За себя.

– В смысле? – усмехнулся я.

Она глубоко вздохнула, будто собиралась с силами.

– У меня… задержка. Уже две недели. Сегодня, после того как ушла от тебя, купила тест. Илья, я... – она всхлипнула. – Я беременна.

Мир сделал кувырок вокруг меня и остановился.

– Что? – переспросил я.

– Я беременна, – повторила она. – Это твой ребёнок. Вернее, наш. Я не знаю, как сказать правильно.

Я смотрел на неё и не верил. Мы предохранялись. Всегда. Это же... это невозможно.

Но в её глазах стояли слёзы. Она тряслась. Выглядела такой растерянной, такой... настоящей.

– Ты уверена? – спросил я хрипло.

– Тест показал две полоски. Завтра пойду к врачу подтверждать, но... я чувствую, Илья. Я беременна. Потому и нервная такая.

Я откинулся на спинку стула. Голова шла кругом. Сначала смерть Марины и дети, теперь это. Мозг отказывался вос-

принимать адекватно информацию.

Я едва осознал, что у меня есть сын. Едва свыкся с мыслью, что они с Василиской одно целое. И на тебе! Новые вводные данные: Карина с беременностью.

Кажется, кто-то на небесах развлекался по полной, тасуя мою колоду судьбоносных карт. “Решили одарить меня по полной радостями жизни?” – стиснув зубы, посмотрел сквозь окно, в ночное небо. – Юмористы, блин!”

– Я понимаю, что не вовремя, – продолжала Карина, вытирая слёзы. – Что у тебя сейчас эти... Ярик с Василисой. Но мне-то, что делать? Пойми меня правильно, Илья. Беременность выносить – не шутки. Сейчас повылазят болячки всякие, о каких даже не догадывался. Токсикоз там, хождение по врачам… Мне не до чужих детей будет! Мне само́й твоя помощь понадобится…

Карина говорила и говорила, а мою голову сдавило, словно в тисках.

– Так… – потёр я глаза и виски, собираясь с мыслями. – И? Что ты предлагаешь? – я не ждал от неё решений. Мне просто нужно было время, чтобы переварить услышанное.

– Я предлагаю подумать о детях, – подалась она вперёд. – Не о тех, что сейчас в комнате спят, а о наших… Илья, тебе теперь придётся работать за двоих, чтобы содержать семью. Ведь мне скоро рожать. А потом сидеть с ребёнком. Ну, подумай! Где взять время, силы и… деньги на всех? – в её карих распахнутых глазах застыли слёзы и мольба. В груди

шевельнулась жалость к ней. Отчасти она была права. Мои проблемы не должны были её волновать.

Я прекрасно понимал, какой кошмар она сейчас переживала. Ведь Карина привыкла жить для себя. А тут такие сложности.

И всё равно, то, что говорила она, меня раздражало.

– Карина, к чему ты клонишь? – решил спросить прямо.

Она вздохнула, словно ей было физически больно говорить.

– Илья, отдай их пока в детский дом, – едва слышно проговорила она, глядя перед собой. – Временно. Пока мы не встанем на ноги. Потом, когда родится наш малыш, ты, я уверена, сможешь посмотреть на всё под другим углом. Сможешь рассуждать здраво. И, если будешь уверен, что сможешь организовать присмотр за детьми и обеспечить всех, тогда, пожалуйста! Заберёшь, если захочешь. Но сейчас совсем не время для этого.

– Ты с ума сошла? – дав ей договорить, вспылил я. – Как это, в детдом?

– А что такого? – в её глазах мелькнула знакомая стервозность, но она быстро взяла себя в руки. – Современные детские дома хорошо оборудованы. Дети под постоянным надзором воспитателей, нянечек. Ты же всё равно вечно на работе, Илья! Кто ими будет заниматься? С ними даже сидеть некому, – сыпала она доводами. – Мы оба работаем. А там они будут под присмотром. А в свободное время, ты смо-

жешь их навещать. Им там будет даже лучше! Социализация, общение со сверстниками...

Я слушал и чувствовал, как внутри поднимается волна. Сначала тошнота. Потом гнев.

– Ты предлагаешь мне сдать детей, которые потеряли мать, которые только начали называть меня папой, в приют? – голос мой звучал глухо, страшно. – Карина, ты вообще слышишь себя?

– Я слышу себя, Илья! – она тоже повысила голос. – Я думаю о нашем ребёнке и нашем будущем! А ты думаешь только о них! Кто они тебе? Ярик – возможно, твой сын. Хотя не факт! И ты, вообще не подозревал о его существовании до сих пор. И как-то жил он без тебя все эти годы! Так почему теперь не проживёт?! А девочка? Она вообще тебе чужая!

Ты что, малахольный?! – Карина раскраснелась, карие глаза сверкали праведным гневом. – Илья, всех не пожалеешь! – заключила вставая. – Илюша, любимый, скажи… – подошла, села на табурет рядом, взяла меня за руку, – ты готов ради практически чужих детей, пожертвовать своим ребёнком? Семьёй, в конце концов?!

– Я не готов жертвовать детьми ради чьего-то удобства, – отрезал я, выдёргивая руку из-под её ладони.

Карина посмотрела на меня долгим взглядом. Потом встала, одёрнула свитер.

– Хорошо. Подумай. У тебя есть время до утра. Завтра я пойду к врачу. Если подтвердится – тебе придётся прини-

мать решение, Илья. И я надеюсь, ты примешь правильное. То, что устроит нас обоих. Иначе – не обессудь…

Она направилась к выходу. В дверях кухни обернулась.

– И ещё. Твоя соседка... Людмила. Ты знаешь, что она из полиции?

Я промолчал.

– Не думал, что она сообщит в опеку?

– С чего ты взяла? – насторожился я.

– Просто спросила, – пожала она плечами, выходя в прихожую. – Спокойной ночи.

Вышел проводить, но она уже вошла в лифт.

Закрыл дверь и вернулся в кухню. В голове гудело. Перед глазами стояли две картины: заплаканная Карина с известием о беременности, и Людмила, которая час назад также сидела на этом стуле и переживала за Василису.

“Отдай их пока в детский дом”.

Я сжал кружку так, что та едва не треснула.

Подошёл к окну.

Карина садилась в свою шоколадного цвета Suzuki.

Я испытывал сейчас сложные чувства к ней.

Жениться я до сегодняшнего дня не собирался. Заводить детей – тоже.

Но в перспективе я не был против детей.

Тогда в чём дело?

По идее я должен был испытать радость. Ведь если Карина беременна, то я бы смог уже в начале следующего года взять

своего малыша на руки. Стать ему отцом. Изо дня в день наблюдать, как он растёт: произносит новые звуки, держит головку, садится, сам встаёт…

Представил так ярко, что в груди разлилось трепетное тепло.

– Па-ап... а Кеса где? – в дверях кухни возникла босая Василиса, прерывая мои красочные фантазии.

– Ты чего это встала? – подошёл к ней.

– Писить хоцю.

– Так, горшок в ванной. Забыла? Пойдём, покажу, – положив руку на крошечное плечико, развернул в направлении приоткрытой двери. – А Кешу ты какого потеряла? Игрушку, что ли?

– Да. Котика, – кивнула, самостоятельно усаживаясь на приобретённый сегодня горшок.

– Ты его в постели поищи. Я видел его там, – усмехнулся, прислоняясь плечом к косяку.

Василиса подпирала ладошками пухлые щёки и, прикрыв глаза, дремала на горшке. Смешная.

Кудряшки светлых волос растрепались и походили на одуванчик. Мордашка розовая, заспанная… – аж сердце заныло, до чего же похожа она была на Маринку. Я хоть и был зол на бывшую, но никогда не желал ей так рано с жизнью расстаться. И дети бедные сиротами остались.

Нет. Не чужие они мне.

Невольно вздохнул.

В ванную припёрся Компот и начал неистово раскапывать наполнитель в своём лотке.

Василиса встрепенулась.

– Компот тозэ писить плишёл!

– Угу. Компанейский пацан, – проворчал я, глядя, как тот расшвыривает наполнитель по полу. – Ну, что? Всё? – поддел мелкой нос. – В постели спать удобнее. Вставай!

Натянула трусишки и протопала мимо меня.

Сполоснул горшок, сходил в комнату, нашёл игрушку, всучил Василисе. Та довольная обняла “Кесю” и свернулась калачиком. Ярик рядом вовсю посапывал.

Поправил одеяло и вернулся в кухню.

Сел на стул, где только что сидела Карина, и уставился в одну точку.

Ярик появился в моей жизни спустя пять лет после рождения.

А Карина была беременна сейчас.

Я закрыл глаза, представил, как беру на руки новорождённого кроху. От него пахнет молоком и детской присыпкой, маленькие пальчики сжимают мой палец. Сердце пропустило удар. Тёплое, щемящее чувство. Оказывается, я созрел стать отцом.

Просто жил по инерции, вот и не думал.

Перед глазами встали Ярик и Василиса.

Они уже называли меня папой. И я тоже успел привязать-

ся к ним.

“Отдай их в детдом. Временно. Пока не встанешь на ноги”, – вспомнил слова Карины.

И тут же Людмилу: “Разлучать их – преступление!”

Две женщины и абсолютно разные.

И почему я полгода назад выбрал Карину?

Понятно почему. За ней пол-отделения мужиков бегало. Яркая, эффектная, с норовом! Каждому хотелось её обуздать, но не каждому удавалось.

Карина – мой личный трофей.

И в постели горячая. Нравилась. Но о браке с ней не думал. Брак, это про любовь. В любовь с Кариной можно было играть, но не более. Так думал я до сегодня.

И на тебе!

Беременна.

И что теперь?!...

Почему я не встретил Людмилу раньше? С ней могло быть всё по-другому.

Сердце разрывалось на части.

Если Карина беременна и это мой ребёнок…

Она ясно дала понять, что я должен буду выбирать.

Но как я мог отдать Ярика и Василису в детдом? Как бы я смотрел потом в глаза сыну? И Васька. Мне как-то не верилось уже, что она не моя.

В кухню бесшумно вошёл Компот, запрыгнул на подоконник и уставился на меня жёлтыми глазищами.

Казалось, он спрашивал: “Ну, и что ты собираешься делать, Илья Жданов?”

Я перевёл взгляд на часы. Половина первого, ночи.

Где-то там, в ночном городе, Людмила ловила преступников.

А Карина ждала моего решения.

Только здесь, в моей квартире, спали двое детей, которые верили, что я их не брошу.

Взял телефон и набрал сообщение Людмиле:

“Привет! Как ты?” – отправил и замер.

Через минуту пришёл ответ:

“Привет. Всё норм. Ты чего не спишь?”

“Мысли одолевают. Не спится. Ты, когда домой?” – набрал быстро и отправил.

“Утром, – прилетело в ответ. – Кстати, сегодня на вызове услышала кое-что, что может быть связано с твоей ситуацией. Завтра расскажу”.

“Буду ждать. Как проснёшься, приходи!” – отправил и заметил, что улыбаюсь.

Ну, дела!

В жизни полный абзац, а я сижу и лыблюсь оттого, что мне соседка ответила на СМС…

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.